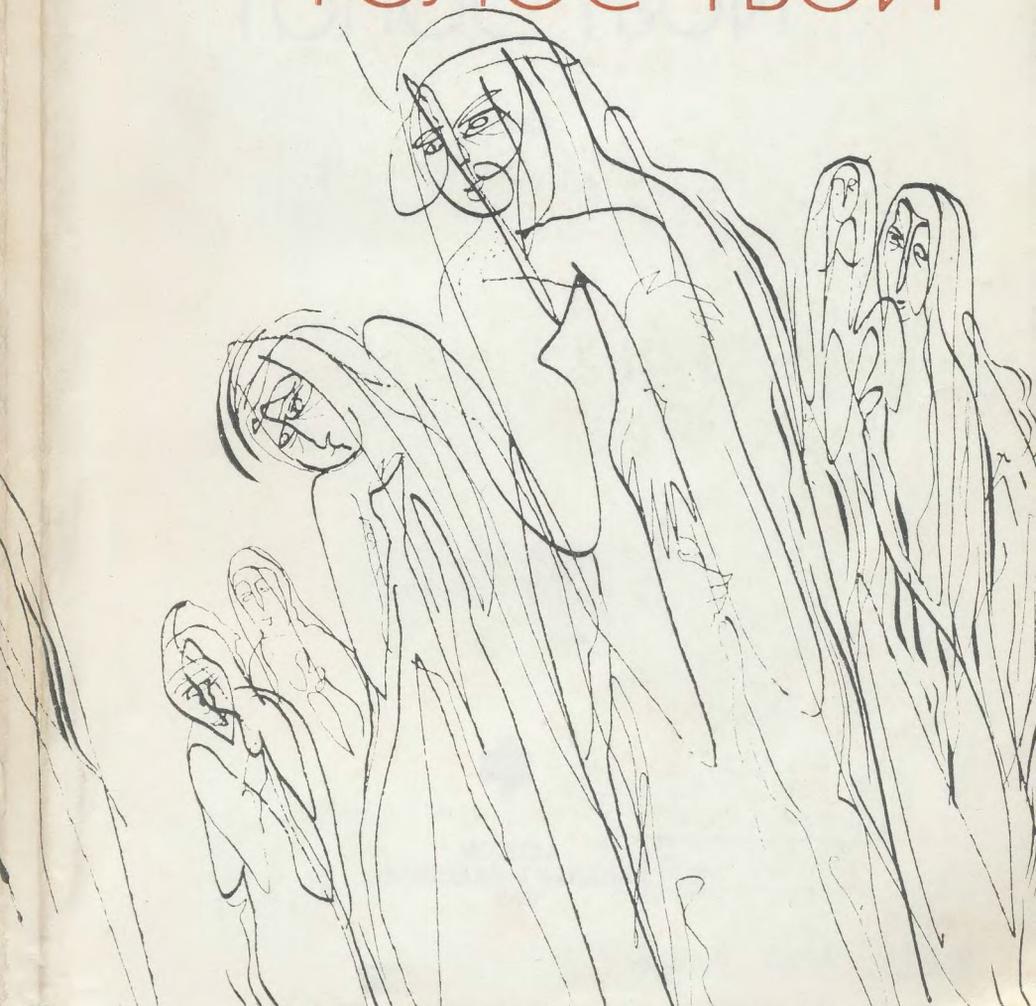

Иван Киуру
ГОЛОС ТВОЙ

Иван Киуру
ГОЛОС ТВОЙ

СТИХИ

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1990

ББК 84Р7
К 45

К $\frac{4702010202-022}{078(02)-90}$ 183—90

ISBN 5-235-00839-1

© Издательство
«Молодая
гвардия»,
1990 г.

Посвящается
НОВЕЛЛЕ МАТВЕЕВОЙ

I

Земле

Целую пыль твоих дорог
И звезды над тобой целую!
И жизнь, в которой я продрог,
И тяжесть зноя злую.

В любви и в смерти ты видна
До дна мне и до краю.
Ты для меня совсем одна,—
Других я не узнаю.

Да, не узнаю я других.
Но в смертный час без сожаленья
Войду в курган твой, словно скиф,
Чтоб жить и после погребенья.

Умру ль в пути, умру ль в бою
Иль просто изведут собратья,
Но душу грешную мою
Ты примешь пламенно в объятья.

Затем, что я тебя любил
В нарядах и в позорах вретниц
И чистой скорбью скорбил
О злых безумствах твоих детищ.

Целую пыль твои дорооог
И звезды над тобой целую,
И жизнь, где горько я продрог,
И тяжесть зноя злую.

Котомка

— Эй, стой!
Куда идешь ты, путник,
Эй!..—
Многоголос напевом,
Дороги ствол во сто ветвей
Поднялся в гору чудным древом.

Те ветви голые бегут,
Порою скручиваясь в жгут...
И сердце ведь сомненья жгут
Над пропастей разверстым зевом!

— Скажи мне, путник, где твой дом?
Или построить дом свой ищешь?
Иль, полон любопытства, ты
Пошел, пошел считать версты,—
И не боишься высоты?
Не слышишь, как тут ветры свищут?
Как стонет филин над крестом?

— Да как сказать...
Весь мир — мой дом!
Привычны мне его дороги
И — при закате золотом —
Небес открытые чертоги.

Его ночей я не страшусь.
Ни молний не боюсь, ни грома.
Я к этому, брат, отношусь
Как к шелестам по крыше дома

Богатого...
Богат мой дом!
Щедрот его не счесть,
Не описать вовек пером,
В котомке не унести!

Иду себе то там, то тут,
На что мне скарба груз?
Не для меня ль в пути живут
Прекрасных девять муз?!

— Твоя котомка?
— Ноты в ней,
Листки, карандаши...
Что в мире может быть прочней
Простых богатств души?!

Дороги ствол во сто ветвей
Растет в веках могучим древом,
Чаруя тайною своей
Шагающих
Под вечным небом.

* * *

На плотах я летел по реке — на порогах разрушить залом,
И багор в моей быстрой руке был оружием, рулем

и веслом.
— Расскажи ты нам про комсомол... — Про собранья?

А что их писать?
Всю-то жизнь я то мчался, то шел — угодивших
в несчастье спасать.

Сам потоком руководил? Иль несла меня жизни река?
Строил я. Так сказать, возводил в Каракумах дома
и ДеКа.

Я и в недрах земных побывал, и в горах порубил
я руду.

Уголь жаркий стране добывал — вот я как
поклонялся труду...

Роль речей мне понятна была. До поры эта роль не мала.
Но ведь против всемирного зла не слова так важны,
как дела!
И взлетал я на новый порог... И смеялся, как сам водопад!
И тонул... Но судьбу превозмог. И уйду, и вернусь к вам
назад.

Не других, а себя торопя, не без песен по жизни
я шел;
Я как творчество мыслю тебя, и как труд, и как
жизнь, комсомол!
А слова? Что ж, придут, так спою. Не придут — я,
себе, промолчу...
Впрочем, в жизни горячем бою мне и песня пока
по плечу!

Гнал себя я (отшодь не копя, не машину!) сквозь топь,
на большак.
Так что требовать от меня «прозы жизни» — не можно
никак.

А что птицы друзья мне — так что ж? Мне деревья
друзья, и трава...
Согласитесь: хоть в чем-то, но все ж и природа бывает
права?

А слова? Что ж... Придут, так спою. Не придут —
я, себе, промолчу.
Впрочем, в жизни серьезном бою мне и песня пока —
по плечу!

1986

Конь в рассвете

Над рекою он стоит. Он копытом звонко стукнул,—
Окоем ему аукнул, звякнул бледный лунный щит.
На кургане он стоит. Нервно прядает ушами,
А вдали за камышами ранний луч птенцом пищит...

Чуя целый окоем, чуя чудо окоема,
Он в заре царит, как дома. И зовется он —

конем.

Даже звук его копыт был в родных степях забыт.
Но его на белый свет возвратил поэт.

В чутко вытянутой шее кротость, воля и наив;
От нее сверканьем веет гроз — на жажду мощных нив.
Круглый глаз дымится влажно, звездным блеском осяян...
Только юность так отважно видит жизни океан!

Чуть дымился лунный кратер. Ночь, как день,
была светла,

Когда в поле твоя мать тебя миру принесла.

В тот июнь в стране ковыльной был веселый терпкий
зной.

И невидимые крылья ветер дал тебе степной!

Я твой брат, я друг твой старый!

Нам с тобой противна ложь!

К жарким звездам и стожарам

Песнь любви ты ржаньем плешь.

За космическою далью (свет в пустынях чтоб не гас)

Исключить исход летальный нам поможет лишь... Пегас!

Мне с тобой приятна встреча, как с младенчества

мечтой...

Но — лишь миг — и ты далече; канул за чертой

крутой.

Конь мой!

Между нами — камень,

Реки и материки...

Но взойдешь ты над веками.

Остальное пустяки.

Тает в Гималаях лед,
Звонко горлинка поет,
А рассвет зажег камыш,
К западу сползает тишь...
 Солнцу дикий древний гимн,
 Слово песни сокровенной,—
 Конь!
 Видением мгновенным
 Ты сверкнешь векам иным.

Звукопластика

Я сын древнейших информатик,
Плод солнца, неба и земли...

И, хоть я сколько-то романтик,
Вели мне быть! И жить вели!

О цветомузыки законы!

Но по закону ль мы горим?

Гармоший новых сотни гонит

Природа — в старых ритмов Рим.

Под ясным небом, как пред бурей,

Огня и силы гордый дух,

Напрягся жаром красно-бурым

Пред тьмой лесов сентябрьский дуб.

Вобрал в листву он звоны лета,

А в корни — древних прах комет.

Есть слышимость

в природе цвета,

И звуков — зрим волшебный цвет.

Дрозды летят к рябинам рдяным,

Межи покинув и жпивье...

А по-над дубом, мощью пьяным,

Кричит и кружит воронье.

В том крике, реве, гвалте рваном

Есть и гармония и дичь!

Есть рдяный цвет и холод рьяный,

И — сквозь погибель — к жизни клич.

Прав желтый дуб.

Прав черный ворон.

Ведь завтра, смертью смерть поправ,

Листвы падет на землю ворох

Во имя вечности дубрав.

Но продвигайся осторожно

По цветозвукам, полным тайн:

По тем, кто полыхал роскошно

Иль тихо плакал в поле там.

Зимою часто, очень часто
Мне лица помнятся родных,
Как будто в поле, на несчастье,
Оставил там я их одних...
Им вьюги веют прямо в души,
И прижигает их мороз!
Плакучей ивою пророс
Прах очагов родных, потухший.

И — звукопластики природа,
Ты — где тонка, где вся груба —
Не отвлеченность,

а народа

И мира — трудная судьба!

Мне звукопластики загвоздки

Милы не сами по себе...

Я — гость. Но музы ведь не гости,

Но музы, брат, равны судьбе.

И не ругай мой стих «корявым».

Он потому-то и коряв,

Что дарят мне его

дубравы

И травы добрые дубрав!

* * *

Тишина в лугах ковыльных. Воздух неподвижен.
Плеск воды и трепет крыльев на озерах слышен.
В тишине созрело жито. Промелькнуло лето.
Много было пережито, сделано, пропето.

А в уремных буреломах
И в полях великих
Заглянуть в страницы книги
Джунглей — повезло нам.

В копшы сено мы метали
За тайгою,— дети.
Мы волчат в логоу видали,
Встретили медведя...

И пескариков мы в верши и щурят ловили...
И знаком нам страшный шершень, черный гад
и филин!

Но и зноя дни, и грозы быстро пролетели.
И рябин зеленых гроздьа воском зажелтели.

Уж не ищут за болотом в камышах защиты
Уток стаи... Позолотой крылья их расшиты!
Все звончее крыльев шорох катит на село к нам
По прохладным влажным зорям, в воздухе зеленом.
Перелистаны страницы летних зоопарков...
Значит, время к югу — птицам. Нам — к суровым
партам.

Впрочем, листопада вздохи тоже на добро нам!
Ведь в полях еще картофель... И горох не собран.

И еще немало воли, и за труд награда —
За колками ждут нас в поле. Много ли нам надо?
Там душистый хлеб пшеничный осень испечет нам...
Всех сирот и полунищих встретят там с почетом!

Славлю самый честный принцип: нет трудов —

ничтожных:

Кто работает, тот рыцарь, пан ясновельможный!

Перед первым пред бураном там, в полях, запарки

Кончатся,— тогда пора нам прочно сесть за парты.

На пространствах на уремных,

По полям огромным —

Много ли нам было надо —

Ребятишкам скромным?

Письмо в детство

Ночь. Мертвы баржи. Мертвы причалы, пирсы.
Льдом и снегом скованы мосты.

Не в такую ли погоду молодцы-сибирцы

Попросили гитлеровцев

От Москвы?

Ну а что, когда б не попросили?

Где гулял бы ты? Где хаживал бы я?

Вовка Абакумов, друг мой по Сибири,

Где ты нынче? Где твоя семья?

Воду ль решетом таскать из проруби крещенской,

Сотню ли колядок за полбрюквы спеть —

Чуда в этом нет! А чудо — крохотною щепкой

Через печь войны промчать и... уцелеть!

Безотцовщина. И рвется ведь, где тонко!

К счастью, человек совсем не матерьял...

Но отцов и матерей Русь потеряла столько,

Как никто еще на свете не терял.

Помнишь, как сибирская нас укрывала вьюга,

Друг по школе, по судьбе мне брат?

За тобою, Вовка, город был Калуга,

А за мной — мой город Ленинград.

Дали беженцам дома. Край, — даром что, — суровый:

Главное — перевалить хребет зимы!

И наваливал буран повыше крыш сугробы,

Чтоб до Мастеницы с крыш катились мы.

Помнишь, Вовка, бормотание буржуйки?

Окна в инее, и в классе тишина...

За окном пурга, как сто чертей, бушует,

А сквозь плач пурги свирель весны слышна?

Но отраду клонит, пригибает неотрада,

Свет непрочный проглотить стремится тьма;

В ней — то снова вспыхивают

Огненные ночи Ленинграда,

То горят и рушатся калужские дома...

Позже был апрель — и звонкий и отчаянный;
Гулкими ручьями взорвалась сугробов тишь...

...Видно, ты матерым, Вовка, стал начальником,
Что на письма все мои в ответ — молчишь?

Если же не стал ты, как сибирский волк,
матерым,

Но и дальше в чем-то обойден судьбой,—
Ты тот друг, мне встретиться б с которым...
Есть опять о чем поговорить с тобой!

Старикашка-мороз

За черными вязами

Розы

На запад идущей зари...

В алеющем инее лозы,

И крыши темнеют вдаль.

И в вечном со мною соседстве —

(Обмазанный клюквою нос!) —

Шагает, как некогда в детстве,

Старинный скрипучий мороз.

Была б весела с ним дорога,

Когда б неумный шутник

Не сыпал бы игл так много

За тощенький мой воротник!

Старик он довольно забавный.

Соскучиться с ним мудрено...

По тропам — дорожкам дубравным

И в поле царит он давно.

А ты — хоть ни шагу из дому:

Сиди и в науки уткнись...

А хочешь вздохнуть по-иному?

Ступай к нему — с ним веселись!

Но в общем-то — даже за печью

Спасения от старика —

Ищи — не отыщешь!.. Под вечер

Он в двери, покашляв слегка

И чуть потоптавшись для виду,

Глядишь, с кем-нибудь — и войдет!

И сникнет... (Приняв за обиду,

Что в печке — зола, а не лед!)...

И вот мы опять по дороге

Идем, как большие друзья!

И хоть он морозит мне ноги,

Сказать старикашке — нельзя.

Но долго ль ему веселиться?

Какой-нибудь месяц... или два,

И вихрями он закружится,
А там — поплетется едва...

...За черными вязами розы
На запад бегущей зари...
В сияющем инее лозы,
И крыши тускнеют вдали.

Сорок третий

Гулял по улице мороз, ходил, потрескивал
И норовил прохожего
Поцеловать...
Мне, дескать, что! Я дело свое дерзкое
И не обязан забывать!..

Протопленная печь. Рождественские запахи.
Снимает хлебцы мать с капустного листа.
Хрестоматийные сестра в углу читает
заповеди.

И за тайгой — не столь уж отдаленные места.

Полешек запах домовитый изумителен.
Румяно-желтый хлеб из отрубей горяч!
Торжественен нарядный и целительный
И полный тайны, елки новогодней плач!

От елки веет чем?.. Зверья житьем
неведомым —
Над запахами тощих, но зато горячих щей!
И говорят, что Дед Мороз несет подарки
детям бедным, и... —
И что сегодня им какой-то царь-Кощей?

И, впрочем, если говорить о бедности,
То полуголод вовсе не беда.
Лошадку бы, чтобы еще дровишек привезти
До месяца, покуда в доме есть еда.

На елке свечи вспыхивают самодельные,
И слышен топот... «Это Дед Мороз!» —
мне шепчет брат.

И улетучились пугающие память демоны,
И отодвинулся горящий Ленинград.

И, между прочим, говорила нам вчера учительница,
Что если мы учиться будем выше, чем на «уд»,

То Красноармия решительно усилится,
А те, которые фашисты — до весны не доживут!

А Вовка Абакумов, лучший друг-приятель мой,
Когда и пир прошел,
И чай черемуховый всех сморил,
Правдоподобно-жутко и очаровательно
Мне о своем плененье эпопеи говорил!

Теперь я многие перезабыл подробности...
Но помню, как с пером в руке,
Нет! — с пишущей ручкою наперевес,
Из города Калуги (Тульской области)
Отшвыривал он оккупанта — в темный лес...

Был Вовкин папа до войны художником,
И Вовка обожал воодушевленные мазки.
И, хоть условно истины с художествами
тождество,—
Но тут сибиряки врага турнули
От Москвы...

Час тети Марии

Голубые сосны, теплые стволы,
Из рассветной созданы, из прозрачной мглы.
В небо чайка сонная вышла полетать,

Что-то медлит солнышко из-за гор вставать!

Мы в деревню Пугарево с тетею вдвоем

Через почвы бурые по холмам идем...

Этот путь — знаком он мне, старый бор

кругом,

Что-то медлит солнышко

в даях за бугром...

Вон за рощей розовую

там стоял наш дом!

Вновь проснулся грозный

канонады гром...

Кого убить он ищет? Всех ищет,

ищет нас!

С ней к нашим пепелицам

мы шли в последний раз.

Перед родным селеньем, я помню, на коленях

стоит тетья Мария...

И с ней березы плакали, и в землю-мать сырую,

Родную! — слезы капали из глаз, печальных глаз!

Заре я позже нмя дал — «тети Марии час»...

Потом зимой в товарняке

к пей, немощен и тих,

Полз с черной карточкой в руке

эвакуационный

тиф:

Вдали земли родимья нашла она покой,

Над желтым, над Чулымом — сибирскою рекой.

И сколько ж ведь извела

и что перенесла,

Толь средь долины светлыя,

то ль в злой юдоли зла!

И нет в том утешения, что не она одна

Испила все лишения и чашу зла до дна!
Но, веря справедливости, душа ее живет —
В деревьях! И зовет спасти —
Сей мир спасти — зовет.

17 ноября 1985 года,
Москва

Сестра

Тайга-кормилица нам пела,
Питала всякою травой...
Но вот питание огрубело,—
Смерть подошла ко мне впервой.
 Я, собственно, ее не видел:
 Плыл полумрак в моих очах...
 Я из тайги с детьми другими
 Нес хворостины в свой очаг.
Стрижи душистый воздух стригли,
Молниеносные стриги!
Но, с хворостом дойдя до риги,
Я слег на грядке у межи —
 В раю!..
 Где зрел грядущий овощ!
 С полуденного неба полумгла,
 Как крик о помощи, как полупомощь,
 Как музыка в меня текла.
И где ж была та смерть-старуха,
Косой работающая ретивó?
Читал о вас я, скорби брюха,
О скорбях духа — ничего!
 Конечно, мир материален,
 И смерть порой, как смерч, быстра.
 Я жизнь тогда же потерял бы,
 Когда б не старшая сестра.
И надо мной она склонилась,
И горстку мелких, как горох,
Картох мне в рот — как божью милость! —
Вложила, чтоб мой ожил рот.
 Преодолела беззаконье!
 Воспрял мой дух, что еле тлел...
 Медлительно, — я точно это помню,—
 Сестра, твой лик во мне светлел.
Глаза? — рассказывать не стану;
Рассказаны и запечатлены

Их страх и скорбь на память Ватикану.
И миру нынче так нужны!
Язык порой мы праздно чешем,
Ища себе в былом заслуг...
И орден требуем!.. И безутешен
Поэт — без горничных, без слуг.
Зачем слуга? Почто? Откуда
Негосподам — и слуги вдруг?!
Такое — средь социализма — чудо
Нет-нет и вызовет испуг!
Да, с недемократичностью такую
Давно б расстаться нам пора.
А все ж... и мне была **слугою**
Высокою! — моя сестра.
Но, принимая милосердие
И списхождение — за поклон,
Мы попираем милосердия
Бессмертие.
И где ж тут логики закон?
И средь людей, и средь домов я,
Средь книг и судеб я стою.
И отплатить — ну чем бы смог я? —
Чем отплатить
за жизнь мою?

Военная баллада

Посвивали гнезда ласточки и птицы все.
Выбросила лист береза, и ручей не гомонит.
Ветерок слезой кукушкиной и медуницею
Кружит головы, дурманит и пьянит...

Вся в барашках желтых верба придорожная,
Верба — крона мощная, корявая кора!
Майским ветром расколдована и заморожена,
Воле и медовому теплу дивится детвора!

Пилигримов полевых, нас ветерок покачивает,
Легкий, а покачивает! Но жива еще душа!
Мы идем по колоски, но вот что озадачивает —
Почему в тайге так долго всходит черемша?

Черемша таежная — на листья ландыша
Удивительно похожа, но востра, вкусна,
Лечит, кормит и вообще налаживает
Очень правильное настроение она!

На лугу саранку — полосатую заметим лилию,
Луковица — дольки ровные! — копай, дели...
Быстро-быстро мы и весело делили их,
Благодарные подаркам удивительной земли.

Для детей своих она в цветочной чашечке
Выставляет мизерный, но чистый-чистый мед.
Кто поклонами земными кланяется чаще ей,
Тот скорее землю отчую поймет!

Вот и поле хлебное стерней топорщится,
Вот и три березы посреди восторга и тоски...
И учительница, и директор, и уборщица
Собрать нас обучают колоски.

Мы, как птицы перелетные, на поле опускаемся,
Наши души и прозрачны, и певинны, и легки!
Наполняем торбы! И гордимся, а не каемся,
Что и сами колос обработать — мастаки!

Мы в ладошках обмолачиваем их, обкатываем,
Дуем-веем, очищаем — сыплем зерна в рот,

И учительница говорит, что мы — страна богатая,
Что народ наш — все перепесет.

Но зато уж осенью — в полях картофельных,
Там костры, там вопли, шум и гам:

Ласковыми бригадирки становились в сентябре
и добрыми, —

Настоящий хлеб давали нам, ученикам!

Мы гордились этим хлебом, честно заработанным,
Веря искренне, что мы своим трудом,
Воробьиной помощью своей и воробьиными заботами
Укрепляем СССР — наш общий дом!..

До чего же в детстве помогали нам иллюзии,
Сказки, краски броские и всякая галиматья,
Нам даримые учительницей —

нашей первой Музой —

В пекле розовом едва ль не адского житья!

Помогали!

Но открой сегодняшние хрестоматии, —

Все там есть!.. Но пет паверняка

Для тоскующей по сказке воробьиной братии —

Ни Перро, ни Пушкина, ни Мамкина-Сибиряка!

Родина детства

Вдоль дорог тополя... Косогоров
Плавный бег... Свет лазурных озер
И брусничники старого бора,
Мхов и клюквы в низинах узор;
Журавлиные стаи в просторах
Помнит сердце мое до сих пор!

Золотые пески и граниты,
И прожилки из кварца, как сны;
Скалы, пеною белой увитые,—
Тяжелы, но светлы и ясны,—
Только в бурях небесных сердитые —
Помню с детства далекой весны.

И опять тополя... И дороги...
Гнезда старые... Гомон грачей...
Мать полощет белье... Ее ноги
Моем вечно поющий ручей,—
Тот единый из множества многих,
Чьи слова и любви горячей!

И серьезные, и деловитые,
И с уютною думой в уме,
За березами и за ракетами
Разбредались дома на холме;
Не добытые насмерть обидами,
С кузней, ритмы дающей весне.

Брат на старой дырявенькой лодке
В нашем озере, у валуна
(До того, как с лебяжьей сноровкой
На волнах затрепещет луна)
Рыбок праздничных удящий ловко,—
В чистых водах, прозрачных до дна...

Перелески, холмы; косогоров
Плавный бег. Свет прозрачных озер
И брусничники старого бора;
Клюкв сентябрьских в низинах узор,
Журавлиные стаи в просторах —
Не забыть, не избыть до сих пор!

II

Старатель

Штольню в скале отвесной
С люльки утлой и тесной
Забойщик колотит вручную,
Бур забивает вручную.

Кувалдою в бур ударяет,
Вращает — и вновь ударяет.
Без устали, тяжело и мерно,
В граниты вгрызаясь уверенно.

Пониже орлиного взлета
И выше орлиного взлета
Над быстрою речкою горной
Эхо гремит валторной.

Бредет по теснинам гулко
(И отзвука — дольше прогулка,
Чем звука скачок изначальный)...

На высоте печальной
На стропях колышется люлька
(С облака спущена, что ли?!).

Маленький и одинокий
Забойщик — бьет новую штольню,—
Гнездо в поднебесную крышу!

...И отзвуки в мире долгием
Слышу, доселе я слышу
И улыбаюсь невольно...

Где ты, старинный забойщик,
Друг мой из гор Зеравшана?
Сам запальщик и сам — камнеточец,
С кувалдой сдружившийся рано?

Где ты, работник веселый
Высокой заоблачной школы?
На каменные веранды
Притопавший из Самарканда?

С кувалдой сдружившийся рано?
Пробившийся к рудам вручную?
Не нашедший за рудами рая?

Ныне,
Реки забвенья минуя,
Добрим словом тебя помяну я.

Старинные — где вы — ремесла?
Лет наивных, тяжелых, невзрослых?
Из кого пытались вы прясла
Свить?.. Но искру в сердцах раздували,—
Сном забыться душе — не давали!

Ах ваша вера угасла.
Остались лишь отблески где-то...
И в сознание — глубокие меты.
И на теле — глубокие меты.
И настала эпоха энергий...
И ваша заря угасла!
Ваша звонкая песенка сета.

Ты где, камнеточец Сергей?
И что ты сказал бы на это?

Рудокопы

Из цикла «Старые ремесла»

И дни цветенья алычи,— гляди, уже настали,—
Все меняется в мире, о брат мой!
Вот шагают старатели — белый и смуглый —
на скалы

И в сентябре лишь вернутся обратно.
Головою в ушанке кивает белый,
Кивает смуглый чалмою черной:
Ах, азартное, брат, это, но благородное
дело —

Выбить клады из тверди горной!
Кайло и лопата,
Бур и кувалда,
Раз ударим, еще раз ударим!
Каменная музыка,
Подобием великаньего гвалта,
Гремит по расселинам дальним!
И пробиты забои в тех высях небесных,
Кивает один головою белой,
Другой — головою черной...
А в долинах-то уже созрели
вишни-черешни

И тутовник осыпается ягодой спелой!
А тут — злата, серебра, платины белой,
И хрома, и никеля зрца,—
И жилы, и ветви, вершины и корни! —
Рудознавец находит, в деле умелый,
Непитулованный мастер горный.

Кайло и лопата,
Бур и кувалда.
Раз ударим, еще раз ударим!
В злато оправим,
Ночи агата
Подарим!.. Кому подарим?

Мучицу, нежнее и тоньше тумана,—
Жене,— и янтарное масло
(Прямо-таки выжатые из непокорного
камня!) —
Когда солнце субботнее гасло,
Доставить спешил парень смуглый
в долину,
А другому до дому далёко.
В городской толчее хорошо быть единому,
На альпийских лугах — одиноко.

Мечта

Забыт людьми, забыт аллахом,
Под суховеями, устал,
Над мертвых царств текучим прахом
Старинный храм в степи стоял.

 Был утром бледно-розов храма купол,
 А ввечеру пылал огнем...

 Узнал я много басен глухих
 И много умных притч о нем!

Царств прошлых мощным очевидьем
Маячил он в земной пыли.
Довольствовался я наитьем,
Наитья к знанью не вели!

 Пленен в заклятый круг заботы,
 В миров хвальбу и в славу дел,
 Я клуб колхозникам работал
 И в глубь веков мечтой глядел.

Хотелось мне туда пробраться,
Постичь эпохи на ходу...

Мечта моя, однако ж, братья,
Была с делами не в ладу.

 От Эфиопии и до Китая
 Летал мечты моей орел,
 Но лишь пустыню покидая,
 Я в храм таинственный забрел!

...Науки помощью,— едва не поздней,—

Людей свидетель и времен,—

Теперь он реставрирован, опознал

И в сан высокий возведен.

 Труд зодчего — забвений зною
 Противустал,— сверкающ и весом!
 Спасен!

 А все-таки не мною...

 Но чаю: КТО-ТО мной спасен!..

Мургаб

Клочок реки в просвете предо мной.
И слышен дрозд, и горлинки рулада...
За камышом — с дерева вышиной! —
Кабанье дикое проходит стадо.

За камышом высоким —
Юности моей река
Идет себе спокойно, сквозь века,
Чиста, сильна и сердцем велика, —
Полть, кормить и радовать пустыню...

А воздух утра, —
И светящ, и невесом,
И свеж —
Дарит надежды благостыню!

Слоном
По молоку воды
Ленивый плюхнул сом,
И солнца золотой обрез
из белой вышел соли

Ее сиянием пронизанных полей...

Скачи, мой конь!
Скачи по этой воле
К чинарам и к прохладе тополей!

Скачи, мой конь!
— по глинам и пескам —

В далекое селенье:
Там ждет нас (если жив, то, верно, ждет!) —
Далекий друг... Час оберни в мгновенье!
Стремителен, мой конь,
Беззвучен твой полет!

Держись реки...
Реки держись, крылатый!

(Пыль золотая вьется...
Под копытом
Молний искромет...)
Реки держись: рекой рожден не зря ты;
Пустыня подведет, река — не подведет!

...Уж полдень,
Обруч солнца огнен.
А мы-то все с тобой в пути...

Лети, мой конь, по берегу Мургаба...
Как знать, что ждет нас впереди?!

Судьба

И ведут ведь дороги неизвестные
Нас, певечных, к кастальским ключам!
И цербером ночи облаянные,
Ветром сеченные по плечам,
Мы идем. А иначе не можем!
Целим истины высверкнуть лик
Над беспредельности ложем...
И вдруг показалось: достиг!
Сладкий ужас. И страх нетерпенья,
И боязнь очнуться от сна:
Каплет истина с кончика терния!
Бог ты мой, неужели она?
И если хоть каплю от горнего
Нектара хоть раз ты отведал,
То был опрометчив:
Бесспорно,
Всем великим печалям и бедам
Ты себя посвятил. И не жалуйся!
Но скрепи свое сердце и — в путь
Отправляйся...
И горестям радуйся,
И сумой заpastись не забудь!

* * *

И дышит, и движет прозрачные волны оно,
как живое,
Вращает коряги медлительно — горных протоков
дары...

Такое большое, скользящее нежно по хвое
Телами медуз бестелесных...
Большое, а все — из игры!

Ракушкой звенит, сыплет гальку
с шипучей пеной в глубины,
В свое изумрудное переливая и голубое нутро,
Где в складках из камня и глины
цветут первозданного мира картины.
И колеблется краб, и струится над ним
и мерцает мальков серебро.

Как призывно шумит оно!

И забываются, и наветами кажутся страшные
слухи,

Что такое огромное, и человеческое,

и с душою певучей такой,
Хранит оно гордых «титаников» кости
в бездонном желудке...

Но во взоре — укор!

И отчаянный голос наполнен тоской!

Все — в шуме и ропоте, вздохах протяжных
и в зове,
Вечный страж виноградного камня, и чайной
скалы, и масличных долин,
Сквозь босфорскую мглу — и в Одессу,
и в новую даль бирюзовую
С товаром проносит суда — кораблей и людей
властелин.

Всех плутов корифей,

Разрушитель и зиждитель старый,

Византийским пурпурным вином озаряющий
гиперборейскую глушь,—

Понт Эвксинский! — базаров отец,
Расточитель сует и щедрот,
анекдотов и всякой понтыря,

И кормилец,
И сам же губитель тобой зачарованных душ!..

...И цыганке самой
Здесь вручили кольцо. А кольцо было медным.
Но золотом пробы высокой глядело.

И чья тут вина?

И вдаль уносили —
Волна за волной — по просторам
предутренним бледным

Корабль веселый.

И над волною зеленой стояла,
кого проклиная, она?

Льется мощная горькая соль,
Жметя, ластится к скалам стозвонно...

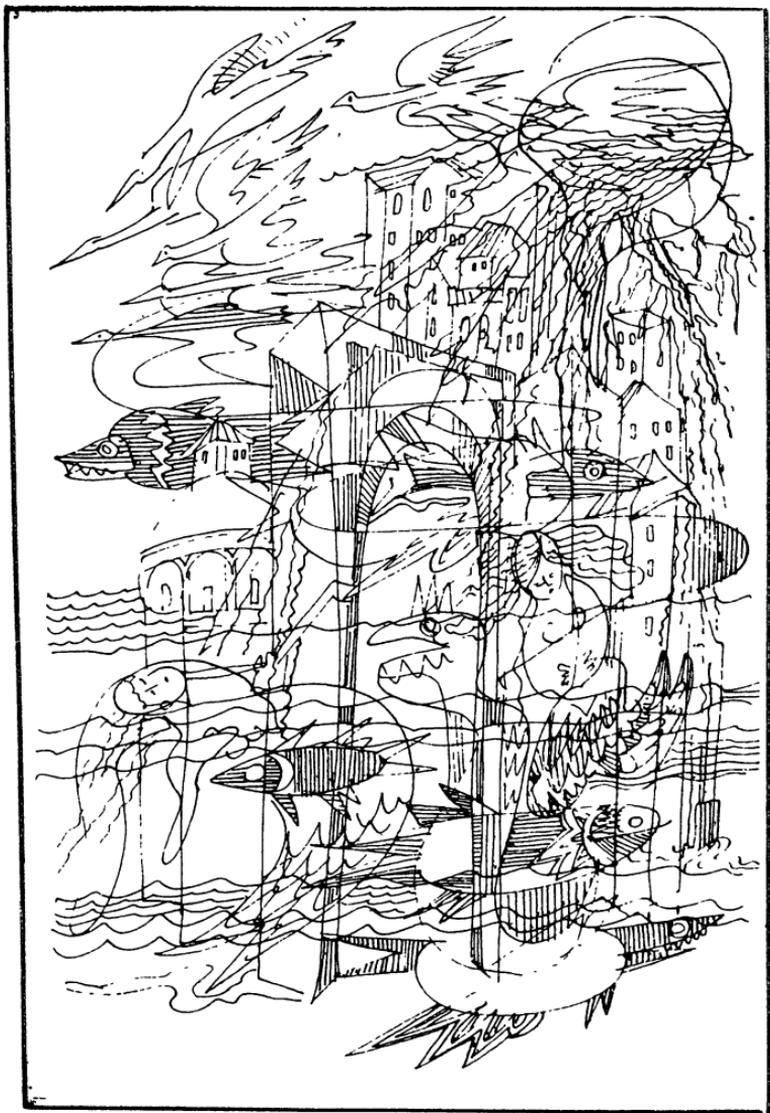
Человека родить, и кормить, и слезу источать
из очей его рождено —

О море! — сколь право иль вовсе не право оно? —

В своей дерзкой свободе?

Суждено лишь гадать... Но судить его

нам не дано!

Легенды моря

(Поэма)

* * *

К чему нам легенды?
На кой нам мистерии?
Разные мифы, причуды, истерики
Темных матросов и неотесанных
Кэпов, разбивших суда об утесы?
Ах, жгучие очи! Ах, черные косы!
Хайяма фиал! И звезда Эпикура!
Морского скитальца Дубленая шкура
На что променяла ближайшие блага?!

.
Но ропот и зов непокорного флага
Стоит послушать; вела ли отвага
Слепая — торговцев и праведных гёзов?
Бедная бедность? Иль бездна вопросов?
Кто гнал их в погибельных далях скитаться?
Натура ль преступная? Кровь святотатцев?
Но подвиг судить непохвально, однако.
За души погибших помолимся, братцы!
Конечно, не как правоверные в храме!
Ведь многие были большими ворами,
Без убеждений реальных, глубоких.
И столько же смыслили в правде и в Боге,
Как мы.
Смешение вер: nereida, русалка...
Старик Океан — украшение бушприта...
Эспирита санта! — какая-то свалка
Молитв и проклятий! Вер и безверий!
Век Ренессанса — прекрасный и дикий, —
Позвольте представить вам устно, без книги!

Качает, швыряет, о поручни стучает...
 Шпангоуты стонут, канаты аукают...
 И в ливнях соленых, и в пенных потоках я...
 Чайкою стонет душа одипокая.

Но — выдох, и вдох, и... — за румпель хватается...
 Плох, кто с безумьем стихий не братается,—
 Деянье предаст за могилу бездействия!
 Жизнь — это пляска на краешке лезвия.

Тают под гребнями тени товарищей.
 Но молнии стебли мгновенные шаряще
 По реям ветвятся и темень кромсают,
 Нас вновь озаряют — и в пропасть бросают.
 Волною накрыта и с палубы спихнута,
 Ищет душа (по наитию) выхода.
 И нет команды! И — где-то команда?
 Могучей рукой океана-гиганта,

Ах, всех разбросало! Песком позасыпало,
 В ил затянуло до самого вымпела
 Фелюгу мою, — мою птичку крылатую!
 Ночь беззвездной, беспутной, треклятую.

Души суровья, честныя, строгия
 Вечно с палуб смывает!
 Чудачка-история!

Правильной речью страницы заполнила,
 Только в лицо — никого не запомнила.

До нас ли блуднице?! До нашего ль брата!
 Ей дай короля, иль жреца, иль пирата,
 Чей дух не страдал, чье не мучилось тело...
 Сплошь показуха — блудницыно дело!

Интрижки паскудные, мелкие ковы,
 Притоны царей, будуары, альковы
 Да протоколов бездушная кучища...
 Ах кто не верит в «Голландца» летучего,
 Тот не историк. Историк пропащий!
 И не поэт. Даже ежели — зрящий.

Зато иногда высочайшей удачей
Бывает пожалован экипаж незрячий;
Жива Одиссея, жива Илиада!
А душам героев иного не надо.

II

...Порт — красный стол океанова торжища.
Боцман! Ты где, окаянная рожница?
И где капитан — образец милосердия?
«— Парень, в гостях у коралловой смерти я!
Команда при мне. Мое судно на якоре
Прочно! И дупежки Ллойдовы плакали...
Бронза тускнеет. А золото светится.
Желаем тебе со скалою не встретиться.

А впрочем, ты мирными занят делами...
И правильно! Жаркое вечности пламя
Не всех по порядку и жжет и качает...»
«О да! Но сомненья — кого не смущают?!
С глубин океанских, по гребням атолла,
В безумнейших танцах,—
Господня престола,
Скажи мне,— достигнет ли дух морехода?»
«— Достигнет ли? Эх, брат, была бы охота!
Была бы охота, не гасло б желанье!
Ведь властное что-то позвало нас в плаванье...

Сigarный дымок у Господнего Юта,
Увы, не для нас! Нам не ведать уюта;
Мы сами же — волны. И чайки. Вот кто мы!
Вечною жаждою страпствий влекомы,
Не можем, не можем мы с морем расстаться!
И так меж водою и небом скитаться —
Вот наш удел.
Мы радетели дел.

Но тот, кто на этом пути не устал,
Кто вырвать у времени тайну хотел,

Кто дерзкою мыслью к вселенным взлетал,—
Тот Бога частицей, тот вечностью стал.

На реи летим под вращеньем Плеяды,
И снова — в простор...

И плывут к нам наяды,

Нерей нам покорен и nereиды!

И все же с судьбою отнюдь мы не квиты...

Под Южным Крестом, под Полярной звездой,

Под Млечным Путем, под луной молодой —

То самба, то румба... А мы, чередой,

В неизвестность неизвестную, парень, плывем!

Органом божественным, соловьем,

Сиренами скал в диких фугах звучим мы...

Для зренья ока неразличимы,

Из бездны вызываем и к жизни зовем

Живущих!..»

III

«...Ах море! Ты пропасть без дна,— не иначе!

Я думал: Бог вещь, что для Бога мы значим!»

«— А как же? Мы — значим!.. И, может быть, много!

Но глуп, кто достигнуть Господня порога

Мечтает за так, через благость молитвы!

Чудак! Жизнь дана для трудов и для битвы,

И это любой мореход понимает,

Когда якоря из глубин поднимает

И знамя возносит...»

...Идут по утрам корабли беспечальные

В страны — по синим морям — чуждадельные,

Под солнцем спокойным, под рунами месяца...

Ой ли? А быть может, нам штиль только грезится?

Штиль только грезится? Бриз — только кажется?

Лестница мачты скрипит и качается...

С бездной душа человека венчается

Над судном любим,

В даль морей уходящим...

III

Парус и смычок

ПАМЯТИ ЮРИЯ ГАГАРИНА

В счастливый путь, смычок!
Благоуханны и янтарь и канифоль!
Они — слеза скалы, стенание сосны, ее и кровь и соль...
Гляди! — так чайка легкая плывет, едва касается волны;
Попробуй угадай, куда плывет! А в крике чайки жалоба,
и неприкаянность, и боль.

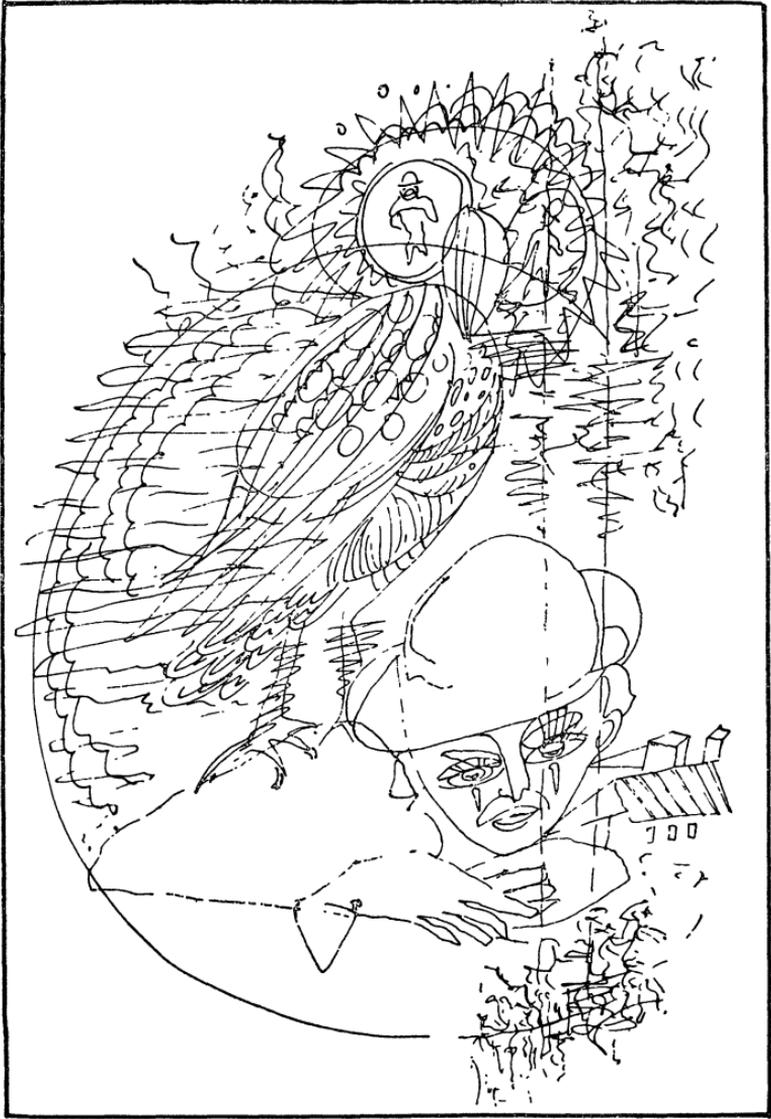
Великолепна скрипка Страдивари, созданная для
игры!

В ней все находит отклик, в ней живут миры:
Свеча и мотылек, и звезды скрипача,
И чуткость мастера, и скорби необузданной пиры.

И труд аскета, и тоска по вольной воле в ней,
Мечта поэта в ней, и старца мудрость, и безумье юных
дней...

Волокон и лучей
Единственно возможное сплетенье
В янтарном теле, что самих стихий сильней.

Скрип елей апеннинских, кварцев темный плач,
И ветра в кленах свист, и лиственницы желтый плащ,
Сползающей туманом золотым; ее провидческие сны
О грозных даях — в натяженье струн воплощены.

И молния ударила с небес!.. И кто же не раним
Громам? Дерево гор и дерево равнин
Погибель братьев записало в клеток дивных ворожбу,
Разбой ветров, и столкновение эпох, и чью-то горькую
судьбу.

Что нужно человеку?
Вечно ищет он ответ:
В добре намеренном своем и в зле нечаянном
он прав или нет?

И мудреца под солнцем нет распутать дикие узлы.
Верь музыке. Ей ведомо: что проходяще,
что оставит след.

...И потянуло холодом с луны,
запела волн печаль,—
Волн черных с гребнем золотым... Ночного моря
огненная даль
Погасла... Мимо благородного молчания скалы,
которую валы
Колеблют,— тень мелькнула, прозвенела сталь...

Так может такелаж звенеть
и в реях ветер петь;

Так сопряженье идеальное
Безветрие терпеть
Способно, чтобы первый же порыв
Поймать в объятья парусов и встречу
Трагической игре стихий лететь!

А ветер весел, радостен и весь игрив...
Свежеет, и форштевня мне хоть и не виден гриф,
Но знаю — выгнут он,
как шея лебедя, скользящего по лону вод,
И слышу: целый мир поет, и о героях в сердце
оживает миф.

...И вздыбленную гриву, руки тонкие,
плечо и грудь
Свободную,— когда я вижу,— скриача,
то — «В путь!..» —
Ему, в незнаемое уходящему, всегда я говорю,

Преодолевшему галиматью схоластик
и сакральных знаков жуть!
Скиталец космоса! Ты сам же Одиссей
и древний аргонавт!
Счастливец! На роду твоём, видать,
Написано тысячелетья обогнать?
Струна нежнейшая тебе послушна,
всякий трос
и грубиян-канат,
Ты — совершенный музыкант, ещё при жизни —
музыкою стал!

Движенье

Прекрасное утро, воздушное утро над миром,
Город огромный расчерчен забытых речушек пунктиром,
Забытых речушек, забытых народов,
Премногих забытых идей,
Этот город людей,
Недостроенным сотам восковым подобный,
И нотам на струнах арфы природной подобный!
 К струнам арфы речной, текучей он примагничен,
 Неограничен,
 В движении вечном раскован,
 Растянут протоками и протоками окольцован...
Средоточие царств кочевых
В бесконечно ветвящемся устье,
Пашня жизни под стонами голосов вечевых
Над тюркской стремительной грустью, —
Город, обилием красок умы потрясающий,
Высокими башнями вызов бросающий
Окаменелому захоластью,
 Гудит пароходами он
 и такелажам звякает звонко
Этим утром воздушным
 под серебром жаворонка!
Под серебром жаворонка
 на островах возле рынка
Балладою красочной о фламинго —
Зорька ранняя тает и перья из крыльев роняет,
Линяет и блекнет,
 И сон невесомый из глаз прогоняет,
И росписями ее уже не украшен забор,
И облака уже — проза,
И не фламинговы перья,
А хоры базаров уже начинают дневной разговор.
И кажется — Каспия рокот азийский теперь я
Услышал.
И чую степные далекие тюркские хоры,

И плещется где-то радужной нефтью
Каспийское море!

И, как занавес розовый и голубой,
Раздвигается и желтеет,
К раскрытию движения тяготеет —
Рань.

Это Астрахань. Это Ахтуба запировала.
Одинокое облако встало с холма и гордо
Вдаль ушагало,
Где-то в полыни исчезла
Верблюжья надменная морда.
А с ней одиночество. И в удушливом жаре
Свои вдохновенные тары-бары
И с ними — бесчисленные товары
Размещают в пространствах базары...

Хазар

Гудит и хохочет восточный базар:
Гуси гогочут, кудахчут куры...
Празднует пир полускифский Меркурий,—
Колышется небо, как море Хазар.
«Дыни, арбузы, хурма и кишмиш!..»
О чем ты, Хазарское море, шумишь?
История шутки остры и грубы...
Кто уклонится ее ворожбы?

Лотос расцвел между юных купав,
Взлетел,
Но, кометою в море упав,
Исчез.

Не ищите его нигде,
Следы его — в горькой воде.
В соленой воде, в чебреце, в лебеде,
В полынной морской воде.

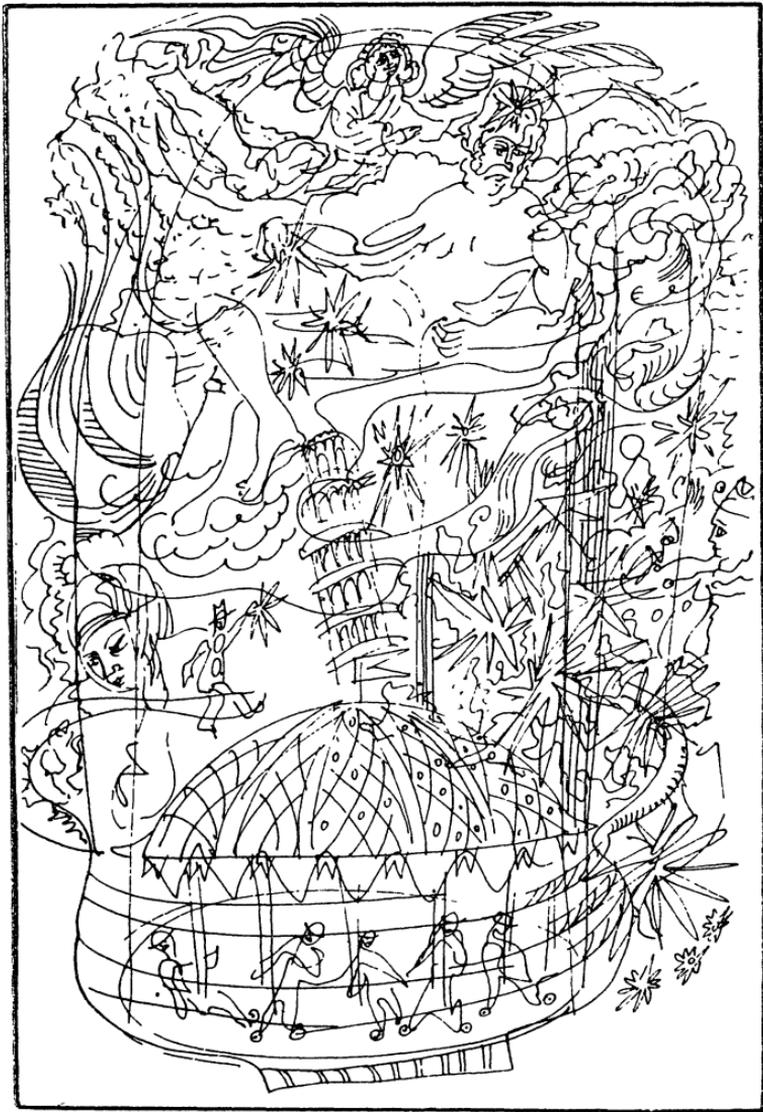
Над Ахтубой Астрахань. В городе жар.
Базар стоязык. Но не слышно хазар.
«Дыни, арбузы, хурма и кишмиш».
Итиль и Хазар.

И всемирная тишь...

Тишь вслед за буйством на землю легла.
Над душною мглою Диана взошла,
И звезды взошли. И не спит звездочет.
И небо, как Волга, течет.

Цвел некогда лотос меж нежных купав;
Взлетел! И, кометою в море упав,
Исчез.

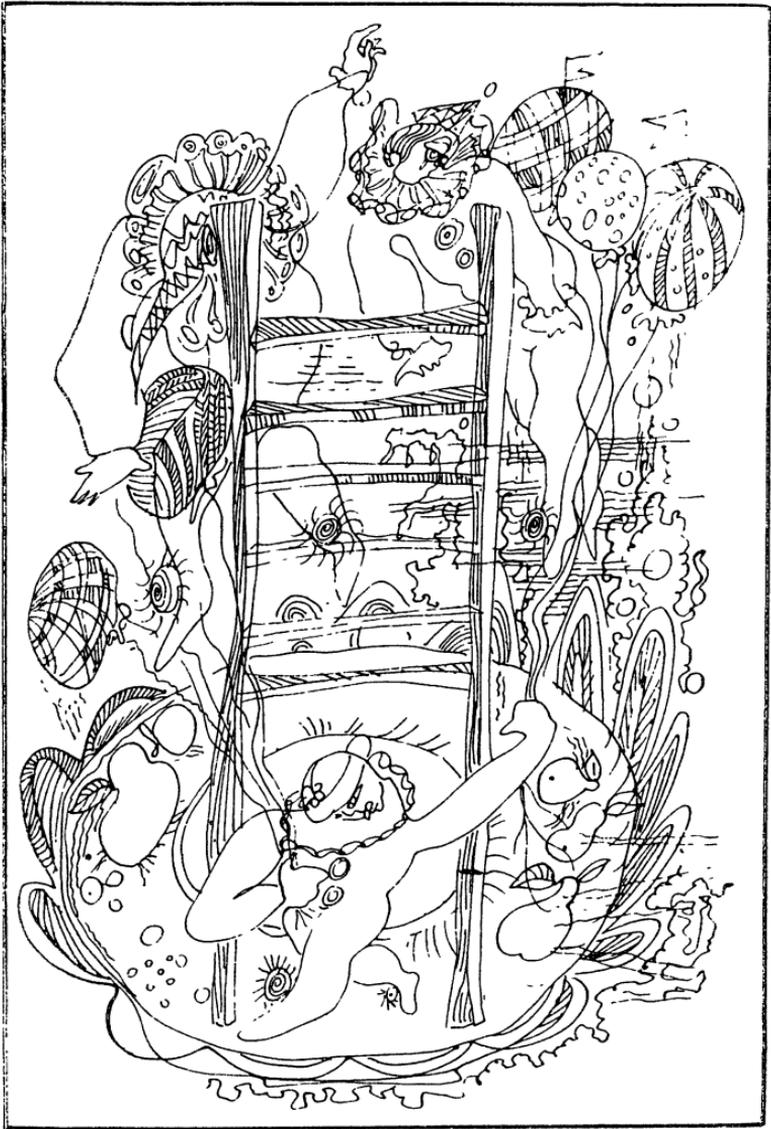
Не ищите его нигде:
Следы его — в горькой воде.

* * *

Где эллинской речи глагол?
Где трагедий Эсхиловых пафос?
Где Периклова к демосу мудрая
и не газетная речь?
И волна, из которой взошла Афродита —
на мелкие части распалась,
И Пирей от судов чужеземных —
кто скажет — как уберечь?

Пафос умер? И пусть! Не из пафоса Илиада
Родилась, но из чести,
которая силу дождя и вулкана таит...
Умер пафос? Аминь! Но еще не погибла Эллада.
Верь: не пынче, так завтра
Свободу она отстоит!

Эллинский мотив

ПАМЯТИ ПОГИВШИХ БОРЦОВ ГРЕЧЕСКОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ

Республика листьев осенних
(Под ветровы плясы и пенье)
Приходит в смятенье, движенье,
Круженье, круженье, круженье...
По тропам, по звонким дорогам
Земля холодна под ногами.
В республике листьев
тревога;
Мягутся; кругами, кругами...

А ветры на цитрах играют,
Бьют в кровельной жести цимбалы...
Повсюду, по отчему краю
Кочует лист желтый и алый.
И где-то щемящая флейта
В оркестр свободный и грубый
Свои распускает тенета,
И медь обжигает нам губы.

Республика листьев осенних,
Подобная грекам-гоплитам,
Свободна, легка в построеньях,
В долину с воинственным видом
Полки свои славные мечет
(Их цвет желт, багрян, светло-розов),
Чтоб во поле брани погибнуть
Под стрелами диких морозов.

Республику листьев осенних,
Страну золотого народа
Кто видел плененной, согбенной?
И в смерти — свобода, свобода!

По эвксинскому гулкому камню
На грапях и моря и суши
Желтыми с неба кругами
Спускаются листья, как души!

Зима к нам грядет, не иначе!
Под ветровы пляски и пенье...
Но путь на скрижалях означен
Республики листьев осенних.

...Холм одел, полем властвует чистым
Снег! Сугробами речка увита...
А мне снятся те желтые листья.
Снятся войско царя Леонида.

Песни Лорки

Нерв звенящей натянут тугою струною,
И дрожат на нем горькие слезы,
Но не падают. Эх,— не подумай дурное:
Отражают

Веселые грозы.

То не Лорки ли песню они отразили

И грепещут, сорваться готовы?

Не сорвутся:

Вы соли их не раскусили

И подумали вовсе не то вы!

Песни древних цыган

С ядом горестных чар

Бьют кастальским ключом

Из подземных

Вольных струй ледяных...

Из вертепов земных

Да из песен Вулкана тюремных.

Был поэт. Ночь была.

Да разверзся рассвет.

(Как не быть над Севильей рассвету?!)

А кого — за обочиной —

Ищет рассвет,—

Уж того под рассветами — нет.

Есть лишь вольные песни великой души,

В коей токи подземные били,

Ветры пели, колдуя в грозе и в тиши,

Бубны лунные кругом ходили...

И таинственный шелест,

Как прежде, творят

Виноградные листья и грозди:

Не постичь палачу их простой

звукоряд;

Не расстреляны солнце и звезды!

В струях Та́хо, в ночи,
Отражаясь,
Луна —
Зелена — так же катится мимо,
В бубен бьет,
По-цыгански дика и вольна,
Линчевателю — недостижима!

* * *

В тумане светлом и теплом
Околица плавала ночью,
И прямо над вишнями, смело,
Туманные реяли клочья.

Над ветками черных черемух
Прял месяц прозрачную пряжу
И в облачных прятал проемах
Лицо, словно делая кражу.

Грачи на деревьях молчали
До самого до рассвета,
Но, зпать, и они замечали,
Что тайна свершается где-то...

Когда я под ясени вышел,
Мне чудились кашель, шуршанье;
Я в гнездах, казалось, расслышал
Грачей беспокойных дыханье!

Когда же лучами спугнуло
Завесы тумана в ложбину
И солнце открыто взглянуло
На дороги

согбенну
спину,—

То...— из обрывков тумана
Черемухи белыми вышли.
Черемухи... Но, неожиданно,
С черемухами и вишни!

Мы долго стояли, как тени,
В тени журавля, у криницы...
Но отблеск весны и цветенья
Навек озарил наши лица.

В тумане светлом и теплом
Околица плавала ночью,
И прямо над вишнями, смело.
Туманные ряли клочья.

Лен

ПАМЯТИ СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА

До свиданья, мой лен, до свиданья,
До зеленой, до новой весны!
Белый лен мой, пора увяданья
Навевает багряные сны...

Спутник детства далекого, раннего,
То ль с полей, то ль с небес высоты
В бубенцы ты названивал странные,
Зим прохладных дарил нам холсты.

Ведь по всей необъятной России
Взгляд, бывало, куда ты ни кинь,
Там из неба таинственной сини
Ткал ты нежно-лиловую синь!

Внятен был, как струенье метелей,
И прохладец, как чудо зимы,
На полянах золотых среди елей,
Среди жаркой задумчивой тьмы.

Лен-кудесник, смешной, как мечтанье,
Как мечтанье, святой и простой,—
И в комбайнов неласковой длани
Ты сияешь, как встарь, молодой!

О таких говорят: «Семижилен!»
И ласкают в великой Руси...
О в каких тебя ригах сушили!
А бивали! Господь упаси!

Не сдающийся в жизни собачьей,
Но вынослив, как всякий святой,

Опален ты и степью горячей,
И холодной синей звездой.

Помнишь, были тобою овиты
Тропы радостью брезжущих лет?
Жаворонков ткачевые свиты
Колдовали наш дивный рассвет!

Но ведь осень пришла. До свиданья,
До зеленой, до новой весны!
Верный лен мой, пора увяданья
Навевает багряные сны.

Мы уходим, мы в дали уходим,
Говорим же: покуда... Пока...
Наш напев только рощам угоден,
Но, чудак! — им названье — века.

* * *

Я содрогнулся...
Свет погас.
Умолкло все. Заголосило.
Я от земли оторван...
Кто? Пегас
Несет меня?
Иль вражья сила?
Как бы то ни было, одно
Вполне отчетливо и достоверно:
Меня влечет на жизни дно!
Но... Импульс тайный силы нервной
Глаза мои теперь открыл
Не на случайные предметы,
Дав мне для взлета пару крыл.
И дух вознес над мутью Леты.
И я не знаючи творю,
Поскольку сердцем понимаю,
Что речь правдиво говорю
И чувству вещему внимаю.

Я, духом воспарив, лечу,
Полет, как должное, приемлю!
Но, съехав по звезды лучу,
Я крепко шмякнулся о землю!
Ко мне указчик подошел
И спрашивает: «— Что ты видел?
Поправь стихи свои, осел!
Твой гнусный слог меня обидел!
Асимметричен, пестр твой стих,
И черт-те знает, где витает!..»

И я стал тяжек.
И притих,
Как тот валун, что оседает
На дно трясины средь лесов;

Стар, мудр, хвор, сердит, недужен,—
Среди таких же мудрецов,
Которым брат
Не нужен.

* * *

Ослицы дикой молоком вспоен,
Рассвет задрыгал, забрыкался,
Рос — и своих размеров испугался;
Полшеба захватил, заколебался
И, расколовшись,
на две стороны
помчался он!

И тут, своим открытjem поражен,
Я замер: это ж гениально — просто!
Все в мире, дьявол побори! — стремится
в рамки ГОСТа...

Гляди — уж до чего дошло:
Рассвет боится роста
И лезть не хочет на рожон!

Сам, видите ли, раскололся, как яйцо!
Воочию — зато почти не слышно...
Должно быть, думая: «Как бы чего не вышло!..»
Но солнечный желток — из облачного дышла —
Лучами мне пощекотал лицо:

— Ах не тужи! Не пропадем!
Сам посуди: не все
в твою ходить мне хату.
А бюрократу кто польстит и технократу?
К нему — стандартоманией богату —
Попробую я постучаться
На прием...

Скажу: «Дай парню потрудиться
(Я о тебе!) — в природы мастерской!
Он бюрократа, как огня, боится
И на меня глядит с тоской:
Двум сразу господам служить стремится...
Вот ведь чудак какой!»

И дрогнет сердце бюрократа:
Ведь есть и у него какая-то душа!
(Когда-то он тебя почти считал за брата,
По молодости лет неточностью греша!)
Бог с ним... Я все устрою...
 Будет все как надо!
Жизнь в общем-то ведь хороша!

Партер

Мы это в довоенном цирке
и в кино видали:
Людского рода цвет
на идиллическом лугу
Пасется мирно,— весь в мехах, в шелку.
На лентах звезды, ордена, медали...

Но что возносит гения
из гетто и трущоб?
Из безнадежности? Из нищеты глубокой?
Бессмертной мысли блеском и тревогой
Под котелком нелепым метит лоб?

Зов благородной крови?
Адский труд?
Иль равнодушья дар?
Любови светлый дар ли?
И падает Икар.
А по канатам все идут
Над безднами партера
Маленькие Чарли.

Каменное дерево

Каменное дерево — с каменными павами...

И стоит, склонясь под ним,

дед с щеками впалыми.

Над корзиной каменной с желудями желтыми,

Как над грудой пламени,

что-то шепчет долго он!

Ничего, что в декабрях старцу нездоровится,

Ведь в корзину он собрал дивные сокровища!

Ничего, что павами вороны мерещатся,

Желудь вечен. Вороны — тоже птицы вещи!

Ведь иной — удач сто лет тщетно ищет по свету,

А в корзине — целый лес

с чудным шумом, с посвистом,

С песнями священными, с песнями разбойными,

С темными реченьями, с ретивыми конями...

Каменное дерево на холме не клонится.

В земли незнакомые, слышишь, скачут молодцы?

А во градах всюду жен слышатся стенания? —

Хоть вопрос давно решен, — худо ль за стенами-то?

Надо ль ждать, когда падет с неба синя молния?

Плод и дерево сожжет, пламенем наполнит все?

...Дереву мерещится молодая рать,

Хоть кора и в трещинах, рано умирать.

На него заря падет, увенчает славою,

Обернется дерево молодой дубравой!

Ничего, что каменным дерево мерещится,

Желудь вечен. Вороны — тоже птицы вещи!

Желтый свет закат струит. В реку солнце кануло.

Дед стоит, как жрец-друид, над корзиной каменной.

Кажется — сто лет стоит он под деревом каменным, —

Старец; каменный на вид — с думой великаньею...

Что он славит, звездочет?

Звезд великолешие!

Под холмом река течет, унося столетия...

Пусть себе течет река. Древо — в звонком инее.
Кружат сердце старика плачи лебединые.
Ничего, что каменным дерево мерещится.
Желудь вечен. Вороны — тоже птицы вещи!..

Небо птиц

Л. и В. КОНОН

Вьет и крутит вихрь из придорожной пыли вервие!..
Вдаль за небосклоны

зимние несутся облака —

растрепанные — первые,

Сухо и печально шелестят бурьянов терния,

Но звонка земля, с зимой как бы впервой встречается,

Вся увенчана светящейся листвой, колышется, качается.

И лазоревы прорехи между

облаками. В огненно-янтарные

Их разрывы над дубравую влетает воронье!

Басы гитарные

Вразнобой перебирает глотками

кружащаяся над холмами братия,

Словно в небо поднятая для прочтения хрестоматия!

Вся разъятая!..

Пойди да разберись, где ночные манускрипты Симеона

Полоцкого, оттиски Франциска Скорины,—

Над горами лет взметнулись, над хатыней горями,

над голыми деревьев хорами,

Над подтеками зари они парят

и в круговые строчки складываются

И накладываются на небесные огни,

и хоть на миг разгадываются,

Как письмо и живопись — не новые,— средневековые,

Языком природы прочным

Призванные сокровенное порассказать, да потолковее!

Бездны распахнуть хотя б на краткие мгновения!..

Пот не должен обжигать нам лоб и застить зрения,

Если небо с птицами взметнулось, выдешилось,

словно роспись древняя,

Словно книга знаков перелома резкого.

Постиженье этой грани — а возможно ли оно

без Достоевского?

Без толстовского почтения к труду,
без гордого смирения?
Расточай нам гений похвалы — мы б не считали
блажью подвиг гения,
Позабыв давным-давно считать не то что космос —
даже тучи — общими!..
Даже мир идей, гляди! — все вотчины да отчины!
все отчины да вотчины!
Лишь на отдаленность рая (личного!) все ропщем,
ропщем мы!

Где уж тут о братстве толковать, о мудром милосердии,
При слепом стяжательства тупом усердии?

...Сузились просторы.

Рдеют звезды высоко в небесной зелени,

Сумерками по деревьям птицы вещие мои рассеяны,

И мороз летит с небес. В домах зажглись огни.

Зимних птиц моих охотники сегодня не обидели —

В день получки, знать, не разглядели, не увидели...

...Ясно воины зачем рождаются. Но для чего —

мыслители?

Книги? —

Неужели за семью печатями они?

Всходит солнышко само,

без нашей помощи закатывается,

Но без неба мощной живописи

и без вещей птицы не разгадываются —

Смысл движенья, цель движенья и совсем необходимое,

Для сравнений с миром, — вождеделенное гнездо

родимое!

И мороз летит с небес.

И всех зовут домой огни.

Ветры присмирели, улеглись,

сухой травой укутались.

Деревам ветров свирели надоели,

к их корням припала неба высь.

И схожу с холма —

не то по облакам, не то по мягким травам я.

Спит — не гомонит,
 дыханием колышет рощу братия дубравная!
И расположилось небо на земле.
 И всех зовут домой огни.

Память

Дыхание вечера в сердце усталом
Трепещет кленовой листвою.
Уходя вслед за летом,
Солнце кануло где-то,
Но желтые звезды — со мною.

Во мне они: желтые и голубые,
Сентябрьские,— в странном
багрянце,
То возгорающиеся,
То блуждающие, как слепые,—
Творящие немислимые танцы...

И коловращения памяти
По дорогам жизни
(Пройденным еще прежде, душою)
По законам певедомым,
Прихотливым, капризным,
Под ветров свирелью большою

Гонят их...
По дорогам, на коих мечутся тени,
Еще не ставшие воспоминаниями,
Но живущие мощно
В ритме, в движении
И в таинственном лиц блистании!

Кленовые листья — желтые звезды
Многошумной душевной дубравы! —
Над увяданьем подъятые,
Озаряющие в сердце

образов

Нерушимые гзезда,—
Не вы ли всех больше правы?

И памятью отсеянное —
Не нас ли оно достойно?
Когда же нас уже на свете

не станет,—

Ужель все это — без крика,
без стога,—

В Лету всеильную канет?
И образы нашей памяти
Разве не будут роиться
В зыбком, но вечном эфире?
Тогда под чьими же чарами
Вновь будут родиться
Чудеса найтй в подлунном мире?..

* * *

...И гнали вас, и полагали в чин святых,
Записывали ваши бормотанья в своды сводов,—
Эксцентрики, юродивые и шуты,—
Некоронованные короли народов!

Нестройною толпой из полутемноты,
Гляди, плывут на рынок, детища тумана;
Эксцентрики, юродивые и шуты,—
Друзья Шекспира и Аристофана!

Гроздь винограда от понтийских берегов,
Базара стоязыкого эмблема
Их привела сюда, как некогда волхвов
Вела звезда в конюшню Вифлеема.

Пешком танцуют и выпархивают из метро
На скромный рынок небогатый.
Зачем? — Тут, говорят, святой Петро
Покажет свой театр!..

Ах, тени, тени! Что вам падо тут?
Нет тут Петрушки: тут базар обычный.
Какой тут Петр Святой? Тут — старый плут,
А с ним мошепник молодой, косноязычный,

Крапленой картой будут удивлять
И облапошивать несчастных ротозеев...
Потом — перед законами вилять
И умилять святош и фарисеев!

Что ж... Если даже так, мы все-таки пройдем.
Мы так легко надежду не оставим
На встречу с нашим маленьким вождем
Петрушкой!

Мы опять в нем друга обретем!
И сами что-нибудь, глядишь, в судьбе поправим...

И гнали вас, и полагали в чин святых.
Записывали ваши бормотанья в своды сводов.
Эксцентрики, юродивые и шуты,—
Некоронованные короли
Народов!

I

Лаокоон

О, бронзовыми тварями опутанный,
Лаокоон!

В страданья молчаливом вопле
вещие уста твои разверсты...

Где Троя?

Нет ее.

И нет врагов ее.

Но разве ты сражен?
Ты беззакония богов
борьбой преодолел закон,

Не убоясь судьбы безвестной.

А сонм богов злокозненных? Где он?

Он — по закону тяжести, открытому

Ньютоном,—

Упал,

Как говорится, канул в Лету!

На атомы рассыпался под солнцем

беспокойным,

Растаял

Облачной страной за небосклоном чудным,

Рассеялся по свету...

А ты —

И мужества, и мировых гармоний полон,
Живешь, о вождь! И бьются волны вечности

От звезд — о голову твою и плечи,

Пав на колена пред тобой

(перед судьбою — не преклонен),

Клянусь я честью смертного:

Еще в душе народов не исчез ты,

Лаокоон!

Но памятен, конечно, и предательства

Троянский конь.

II

К Афине

Тебя же, вероломная Афина, я не чту!
Пристрастная!
Ты вещему жрецу
Правдивые уста замкнуть хотела!
Ты суть поэзии самой попать посмела:
Убив
О справедливости мечту,
Опутав
 мерзостными тварями
 пророческое тело!

Река

Течение бурный разбег набирает.
И рыба с живою водою играет
В речушках стремительных, черных, кривых...

Зима умирает — и жизнь оживает;
Восходит, бурля, из глубин тeneвых
Твоих,

о невыправленная строка,
Река!

Ты влагой дубравного вскормлена мрака.
Ты скорбна под осень. В апрелех, однако,
Движением рушишь свой берега...

Кроет ложе твое кроткий ключ буерака
Россыпями
золотого песка,—

На щедроты порою такая скупая,—
Ты, объившая горы и доли,
рука,—

Река!

Порою дарами обилен ток твой, зеленый и шумный...

Разумный

Русло твое отодвинет,
стену воздвигнет,
а неразумный

Тебя вспать повернуть
хочет,

Выиграть хочет с тобою сраженье,

А твой водопад хохочет

Над тем, как победную песню
зарю разбуженный кочет

Орет! И машет крылом на горам подобные
облака,

О река...

Ты жизнью начало,
Ты бедствий источник,
Ты — гибели эхо империй восточных,
Расцветов мелодия, музыка краха,
Из бездн восходящая в дни ледолома
До слуха ушей моих... Вещее слово
Ты, вот кто! — пред коим я — горсточка
праха,

О, идущая из бесконечного далека,
Река!..

Дамбы, причалы, мосты и плотины,
Дома и любые строенья, что руки мои сколотили,
Однажды весной ты подвергла сомнению...
Ты стала богиней! А я — твоей тенью.
И некий предел моему самомнению
Ты положила... И доконала бы паверняка,
Не будь я немножко выше себя самого,
о река!

Я конечен. А ты, о река, бесконечна.
О беспечно в тумане текущая млечном!
Зерна слов золотых в твои волны роняли
Мои предки — веками...
Но, словно деревья с корнями,
Ты в океаны уносишь — не то что слова,
но эпохи, века!

О нескончаемая,
полная тайны строка,—
Рска...

1977

Ночной лов

Огни погашены. Флотилия, вперед!

Гаси сигарки. Жми в затоны!

Пусть каждый

свой квадрат найдет и сеть найдет...

Но чьи там жалобы? Чьи стоны?!

Ночная птица голосом дурным кричит,

Крыла расчесывая о камыш протоки...

Тут главное,

Тут самоглавное — не перперчить.

Чтоб золотой была уха в итоге!

Все б чистенько... Да вот — треклятая луна,

Знахарка, растуды ее, заморозила...

И сколько же за эту жизнь мою она

Приятелей моих застучала и заложила!..

Не жуи, подонок, не ко времени арбуз!

Не плюйся в сине море семенами!

И юридичкий ты и механичкий кончил ВУЗ,

А в деле туповат, уж если между нами...

Ах, эта ночь! Какая ж нынче ночь!

А ты под тень, под тень руляй, парнишка!

И слухай старика!

И через год точь-в-точь

Деньгой наполнится твоя сберкнижка.

Валюта — перводело. И колеса в белый двор.

И перводело — самолет-моторка...

А кто «вась, вась» живет с начальством,

тот не вор...

Вот так-то, Петя, Вася и Егорка!

Ах, морюшко ты наше, ты, соленая вода!

А не одна икра, как говорят поэты...

Сидят, голубчики, — в карманах пустота!

И пишут пашквильные на людей сонеты...

К нам ласковой была бы всякая волна

(Ты, слышь, юрист? — ты спичкой не чиркайся!),

Когда б не эти писари из городского дна!
Когда б не эти голодранцы на Пегасе!
Гей! Стой!.. Табань, ребята!
Мы окружены!
Оружие и снасти — все кидай на дно морское!
И не тушуйся: оправдания нам — предрешены...
И все же неприятно положение таковое...
Терпеть я эти следствия, допросы не могу
И все пустые разговоры.
Такис, я скажу, лишь на руку врагу
Меж земляками дружеские споры.
Узнать: кто заложил?! Кто между нами враг?
Да и поставить бы — ан поздно! — метку...
Кто лопатями об азовских берегах
Спабжает эту иностранную разведку?
Да, ребятнишки... В этой кутерьме
Увязли мы... А ведь везде свои
имели уши!
Душе уж до того ль не хочется блуждать
в той вековечной тьме...
Гей, облакаты-молодцы!
Спасайте наши души!

1982

Мещанская баллада

Ночка... Тучки...

После получки,

Что ли? —

Странные звуки по всей округе

Бродят:

Тьму голосов молотят,

Как

Будто

Пространство звуками вздуто!

В речевое бесчестье

Предместье

Впало.

(Видно, от зноя устало?)

Брык! — и на месте

Волчком завертелся кто-то,

Крякнув с натуги,

Но — вяло...

Ах! — кавалерию вечера тут

заменила ночная пехота...

Чу! — закачалась месяца ржавые дуги...

Почвы земные, упруги,

Стонут:

Увы нам! Пуц равновесия стронут

Ночной планеты...

Молодость, где ты?

Где вы, товарищи-друзи?

Не с вами ли што было,

Где-то

Не с вами ли пето?

Ах! — извините... Не с вами...

Уныло,

Укоризненно и уныло

Головою месяц качает

За деревьями...

Тумана холодные флаги

Над жидким кустарником никнут.
В овраге
Сонные птицы не вскрикнут
Над чьей-то буйною головою,
Дыханьем колеблющей травы...
У заставы,
На дамбе
Ноги чьи-то мечтают о самбе,
И чья-то гитара
Из ветхозаветной хижины старой
Стонет,—
В рассвете медлительном тонет...
А голос какой-то
В мансре серебристо-седой, старинной
Поет о скачках пад Ориноко,
А разумеет житейскую свару,
Житейскую свару
(Анну, Инну
Или, быть может, Варвару)...
Одиноко!
Ох одиноко!
...С востока
Солнца красное око
(Хвала ему!) — струны уж тянет
К изумрудным весенним травинкам;
Свет пробегает по белым и красным глинам,
Прибоем

Плещется в окна,—
Весел и не везде одинаков!
Ночи
Так и не распутанные волокна
Тают на дне оврагов...
Однако же и почка была!
Звуков сумбурная мгла,—

Просто — ночка из ночек!
Ни красной строки тебе, ни запятых,
ни точек...

И вот почему любому рассвету — хвала!

Ах же ты, вьюнок...

Ах же ты, вьюнок!

Дождь зеленый,— вьюнок ты, вьюнок ты, вьюнок!

И кого же ты и как же ты не перепутаешь, не обовьешь?

На своем пути преграды все перемахнешь ты,

всех вокруг пальца обведешь

Да обойдешь!

Путы зелены твои, танцующий со всеми, юный лета бог.

Но в душе твоей, под зеленью, на тонких ножках — ложь!

Вот что я тебе давно хотел сказать, вьюнок.

Ложь, конечно, в общем-то невинная, а все ж...

Дескать, без прикрас и безо лжи зеленой

(путь-дорога лета — длинная!),

Безо лжи да во садах земли не проживешь...

Если, дескать, и к ножу садовника да подойти

не с лезвия,

Можно обмапуть, объехать даже нож!

Только вовремя обвей безвольный черенок

И чаруй, чаруй любого, всех чаруй подряд,

Ведь за это люди сами: «Славен!» — благодарно

говорят...

Да, запутан ты, вьюнок, тебя не разберешь.

Но в душе твоей — на тонких-тонких ножках — ложь!

Вот что я тебе давно, давно хотел сказать, вьюнок.

Спору нет: хитрец, юлою вьющийся, ты резко выдающийся

артист!

Впору самой тонкой личности вплетать в венок

твой пламенно-зеленый лист!

Гибок ты и грациозен, в этом спору нет,

Прихотлив и легковесен, как маэстро лучших оперетт.

Да, вьюнок! Но высохнешь ты к осени, вьюнок,

И увидишь сам, что спрятать ложь воистину не смог.

Сухощавым станешь, шелестящим, словно старый

черномаг

В платице изодранном, весь беден, тощ и наг.
Безобразья вдруг откроются вокруг, которые ты скрыл,
Спрятал кое-как и тут же сам забыл...
Думать лишь о зелени, о зелени, о зелени просил!

Если б не был ты актер, плясун и пересмешник-балагур,
Не дарил бы каждому (за так!) цветов воздушных шнур,
Не забрасывал бы в воздух лоджий, и балконов, и веранд
Хитро сотканную музыку гирлянд;
Не трудился бы, как дождь зеленый, из последних сил,
То зеленого обмана
я тебе бы не простил.

Хоть за то тебе спасибо, о врунишка, хмелев брат
да виноградов сват,
Что напев весны поешь ты на веселый лад,
Что дождем зеленым льешься в недозревший сад!

Но сегодня...
Путами зелеными не вейся ты, не вейся, ты не вейся
вокруг ног!
Ведь в душе твоей, под зеленью,— на тонких, тонких,
тонких ножках — ложь!
Вот что я тебе давно, давно, давно хотел сказать,
Вьюнок!

1972

* * *

О бесконечно щедрое, беспечное лето!
Даже под забором злодея расцвел
колокольчик!

В урочный час пожиная и сея,
Жажду земли утоляя дождями,
Солнцем ее лелея,
Не обошло никого ты своим приветом!
Дождь светлый
Из черной тучи
То здесь, то там —
Льется, летучий...
Из облачного просвета солнце смотрит,
И встают алые подосиновики
По два и по три
В травах, за сосною могучей
И многошумной...

Плющ

Отшумело, отгуляло,
Отзвенело лето красное.
В знойной тишине полей,
В тени прохладных кущ,—
Лето страдное, кипучее
И лето праздное!..
Только вслед ему — бродяга —
Смотрит плющ.

Смотрит горестно, бродяга одинокий,
Плющ, бродяжкин сын!
Смотрит, как ветрище,
Пьян и злющ,
Ветлы гнет,
И лист червонный рвет
Осин,—
Легу красному вослед
На юг, на юг бегущ...

Отшумело лето,
Отсверкало грозамн великимн
(Во смятении полей,
В угрюмом шуме роц!),
Без которых травы
И деревья с птицами
Поникли бы..
Но следы его — зачем,
Зачем смывает дождь?!
Отзвенело лето...

Долго будет
И рыдать о нем и плакати,
Словно кающийся грешник,
На себе одежды рвуц,
Во безмерной серости,

Над морем слякоти,
Сын бродяжки,
Честный сердцем,
Чуткий плющ.

В новогоднюю ночь

НОВЕЛЛЕ МАТВЕЕВОЙ

Нас поздравила... лошадь!
Спокойно пришла,
Заглянула в калитку,
Кивнула,
Гордой гривой достойно потрянула
И себя, словно тень, унесла...
— Вас поздравила лошадь?
Чему же ты рад?
Что с того, что лошадка кивнула?
То — жокеи умчали на бал-маскарад,
А лошадка — в народ улизнула.
И кому пожелает, тому и кивнет!
Надоели ей трамтарарамы
Ишподромов
И тотализаторов сброд,—
Кавалеры червонцев и дамы!
Ей валет надоел,
Надоели тузы
И постылы каналы-шестерки,
Запах пота, духов, коньяков и бузы,
Стойкий запах фальшивой махорки...
И когда в душной мгле
Перед летней грозой
В небе гром кувыркался, играя,
Ее взору мерещилась степь под росой,—
Даль под влажную тучей — без края!
Даль прекрасная,
Кюю не надо рыдять:
Что Отечества сердцу угодней?
И теперь... Вот и в наши поля побродить
Лошадь вышла в ночи новогодней...
Нас поздравила лошадь!
Спокойно пришла,

Заглянула в калитку,
Кивнула,
Гордой гривой достойно тряхнула
И себя, словно тень, унесла...

Счастье — обездоленному,
 не в тепло одетому!
Новые дома — на пепле и золе!
Песня жизни — преждевременно отпетому!

Как река,
Как река,
Лунная река,
Пресека течет из ельника ночного,
 из березника,
И трубят над ней осин лосиные рога,
Вспоминая звездного наездника...

IV

Ветка

Как ветка эта хорошо
на мглу вечернюю ложится!
Но думаю, что ей самой
труднее будет с тьмой ужиться,
Чем городу в предзимней тьме,
она изогнута над коим,
Всю землю — к ночи иль к зиме? —
благословив покоем...

Как ветка эта велика!
А городок под ней — малышка.
Она, как чуткая рука,
поводит пальцами неслышно.
Такой вот мощною рукой
глядится ветка дуба,
Над городом, что за рекой,
склоненная негрубо...

Октябрь ее не обнажил,
могучий лист узорен, нежен.
Горда, полна подземных сил,—
привст в полнеба зорям прежним! —
Она, как солнце, хороша,—
над бездной — на обрыве года,
Живая над людьми душа,
нас берегущая природа!
За ней леса, под ней поля
и сердце города живое...

И общежитие шмеля,
и все пространство мировое.
Как ветка эта хорошо
на мглу вечернюю ложится!
И ночь близка. В полях свежо.
Но тьмы природа не страшится.

Память о рябине

...Был ярок свет рябин осенних,
Они горели — не сгорали,
Они от теплых зорь последних
Туман и пламя собирали,
 От ночи — тьму и звезд мерцанье,
 И ясность звезд, и — недоступность.
 И, выступая от лица их,
 Я в цвете славлю лишь подспудность.

Ценю я в цвете лишь подвижность
И всех его движений тайну.
Я в бесконтрастности погибель вижу,
Я мыслю гибкими цветами.

 А вы, рябины, ой, рябины,
 Вы на заре мне в душу впали,
 Когда
 С младенчества холмов родимых
 Вослед глядели нам толпами...

И в жизни трагедийно-серой
То флейтой были вы, то горном.
И цветом горестным без меры,
И душу жгущим светом горним.
 ...Вновь над наследьем дотов, дзотов,
 Над иван-чая куц бурьяном
 Пурпурно-алых гроздий соты
 Горят на вечном поле бранном.

Над древним полем, древним домом,
Над древнею землею дедов
И над сохи и прялки стоном —
Опять

Все в грусть рябин одето!
Туман и пламя собирают
Они от теплых зорь последних.
Они горят и не сгорают.
Цвет тайны — цвет рябин осенних!

А сколько тьмы-то, сколько тьмы-то

В ветвях рябины, в жарких кронах,
Ушедшей мглой ночной омыта
Рябин заря, горит неровно!..
Горит заря неровно, чутко,
Крича огнем и — не сгорая,
В душе рябиновой пылает чудно
Мечта несбывшегося рая,
Мечта несбывшихся фамилий,
Крестьянских, трудовых, мужицких.
Их обобрали, погубили,
Польстясь на жалкие пожитки.
И все же рдеет вновь рябина
На пепелищах, словно Феникс,
И нашу осень обрядила
Она опять — за так! Без денег-с!
Вот чем рябины нам нелюбы —
Нам что надежда? Были б гроши!..
А цвет — он что? Он для поэтов глупых,—
Крестьян несбывшихся,— короче!
Несбывшихся крестьян — их много!
(За каждым жизнь — изгой школа) —
Сезонят по земным дорогам.
Вернут ли им родные села?
Рябин огни среди веселий,
Запойных, грубых, полускифских
Созрели в осенях
В земле российской
И на земле Карелии созрели.

Крестьянское

Всем, кто умер —
Покою реки им!
Кротким пусть прозвучит приветствием
Душ, разбуженных к жизни,— реквием,
Невзошедшего солнца реквием.

...Поля в предрассветном тумане.
В повитые инеем травы
Клен роняет наряд свой багряный,
Весь в каменных капель оправе.

Небо как серый жернов,
Но пронизано зыбкою синью...
Золотые душистые зерна
Обернулись над пашнями — озимью.
А мне поле далекое чудится,
А мне мать моя милая видится
Хлопотливою серою утицей,
От войны уводящей нас в путь
без конца!..

От родного что помню села я?
Дом наш ветхий да поле из камня;
Эту землю благословляя,
Дарит мать ее на века мне.
Все поля стали в мире безлюднее
С той поры, когда в землю ушла она,
Но живет она в поле,— так чудится мне,—
И оберегает, как может, от зла!
То хищную стаю рукой отведет —
С крыльями стальными прожорливых птиц,
То неслышно тропой полевой пройдет,
Беседуя тихо с огнями зарниц...
Где был дом наш — там яблоня старая
К почвам скудным, я видел, склоняется.

Мне заботливая, неустанная
Мать — в трудах полевых — вспоминается!
И над мглы наблюдаю завесами,
Светом зорь за леса уносимыми;
Твое солнце я, мама, приветствую
Над готовыми к жизни озимыми!
Даже осенью
Смотрит в очи мне
То далекое солнце, то близкое...
Слышу в поле шаги материнские
И за плугом — движение отчее!

Молчание песен

НОВЕЛЛЕ МАТВЕЕВОЙ

Как пред явлением царя
Бродяжка-нищий с паперти,
Ушла незвонкая заря
В лесов окрестных папоротники —

Куда-нибудь под корни пня,
В уютные валежники,
Где прямо пред началом дня
Спят маленькие ежики.

Где слился с далью небосклон,
С холма повозка катится...
В ней август едет.
Нынче он
На звук и цвет не тратится.

Тих куст, тих лист, тиха трава.
В молчание всесветное
Оделись звуки и слова,
Простые и заветные!

И пряжей серою расшит
Весь дольний мир мерцающий,
И непонятностью страшит,
Шагнуть вперед мешающей.

Куруется мгла,
Куруется мгла,
Трепещет, а не стронется.
Когда бы разгадать могла
Душа: а что в ней кроется?

Беззвучный мир,
Отчаянно,

Как маятник, качается...
Как тут помочь речами-то?
Понять — что в нем скрывается?

Святых светил смещения?
Народные смущения?
А время так сгущается,
Что... как друг друга слышать в нем?
На времени бездонном дне?
Рубиновых рябин огнем
Наш август зреет в тишине.

Есть и слова и музыка...
Да только нет ведь отзвука.
И не на них наверняка
Расчитана акустика!

Я песни складывал — не вдруг,
Не из стихов приятельских...
Так что же тонет каждый звук
В молчании предательском?

Как если б август пасмурный
Вы издали мне выслали,
Царя над телебашнями
И песенными высями!

Да! Вы напишете свои...
Мои — вы не напишете.
Мне их напели соловьи,
Которых вы не слышите.

Мне — их ручей наколдовал
(Разбитый экскаватором).
Он берег новый выковал,
И жить он не устал!

Вотще!..
И не довольно ль вообще
НАД, а не в СЛОВЕ царствовать?
Измором чудо брать?
Нет! Ради чьей-то прихоти
Не будут реки вспять идти,
А души — отмирать!..

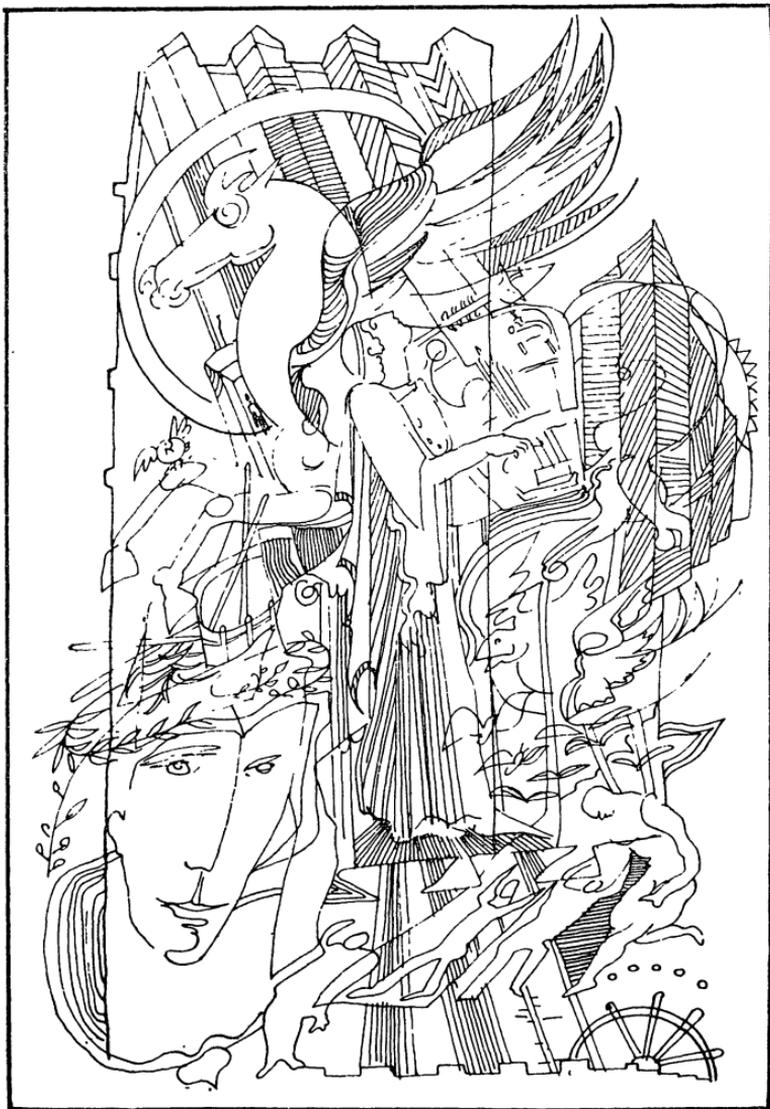
...Плывут в молчании стога,
Мир меркнет... Да не рушится:
К себе прислушалась река,
И лес к себе прислушался...

Лес мыслит, чувствует, живет.
Живет — не притворяется!
И жить и чувствовать зовет
И в песню претворяется.

Плывут в молчании холмы
Под небосклоном медленным;
Их мощный дух
Вдыхаем мы
Над бурых стежек петлями.

Обрыв

Над обрыва пылающей кромкой,
Пересохшей, сыпучей и звонкой,—
Закат,
Как размытая фреска
Из облаков дробленых,
Странных;
Синих, багряных, зеленых,
Тихо сыплющихся, без треска,
Поволокою обрамленных,—
С чередой торжественных ликов,
То прекрасных и праведно строгих
В мерцании тающих мигов;
То пустынников в рясах убогих,
Дидактически перст возносящих,
В поученьях сложнейших увязших...
 Нет виденьям числа в панораме
 К звездной ночи склоненного мира!
Бабы с ношами шествуют мимо,
Но ведут себя прямо, как в храме;
Не ругаясь, не сетуя громко,—
С выраженьем степенным, приличным,—
Не сказать, чтоб уж вовсе привычным...
 Над обрыва пылающей кромкой...

Голиково

Вода желтеет отраженьями листа
И пламенем — вокруг листа — багровым;
Она блистает,— вся черна, чиста,—
В честь солнца осени под облачным покровом.

И голиковская гора

рекой отражена:

Тропа крутая, и над ней сараев крыши...

И пусть недолгая, но зрима тишина,

Чтоб в тьме рябиновой

любой петух был слышен!

В честь солнца осени — повсюду мрак
И блеск, и сосредоточений чутких тайна
Пред мостиком, спружинив зримо и отчаянно,
Тропа сворачивает к роднику в овраг.

А в гору,

за хозяйкой с ведрами — бычок,

коза и кот,

Всяк сам собой, уверенны,

сакрально деловиты,

Как болеро, плывут,

одолевая за витком

виток,

И независимы,

И в качестве хозяйской свиты...

В честь солнца осени

Черемушный мосток

Дождем ушедшим

В полутьме блистает;

Он чувствует (с черемухой под ним!),

что солнечный цветок

И в сентябре нас ни на миг не покидает!

Я знаю, что не всем угоден мой пейзаж:

Ругает критик сельские пейзажи,

Наивно думая запретным (!) мир без саж

И в нем — народ, не выпачканный в саже...

Ты великолепен!

Лишь вчера лиловый, легкий, поднебесный,
Пчелами звенящий под небесной бездной,—
Обратился клевер в грозовую тучу

И на холм улегся, тяжкий и могучий...

Он звенел все лето о бок рощ осиновых

В колокольцев синее небо лебединое.

Чуден, как сама земля, щедр, широк, размахист,

Медом он поил шмеля в горечи ромашек!

Что же обернулся он, легкий — тучей тяжелой?

Что же вдруг угасла в нем желтая ромашка?

Что ж пропах он чаем — тело огрубело?

Песня жаворонка к югу отлетела...

Всем известно, клевер, что ты села кормишь,

Что твои целебны нашим землям корни:

Пусть прославлен только мной, но для всех целебен,

Клевер! Мощью неземной ты великолепен!

На опушках на лесных — темных или светлых,

Горделив, спокоен, тих, как всегда — приветлив,

И с улыбкой на лице, как звезда на небе,

Клевер! В смертных трав пыльце — ты великолепен!

Ты — трава. И я — трава! Но какие травы!

В Звездной хартии права

Есть у нас для славы...

Пусть прославлен только мной,

Но, как луч, целебен —

Клевер! —

Силой неземной —

ты великолепен!

Лебеди над полем

Рябин оранжевое знамя
Опять сегодня поднял Север —
По селам, по холмам на сельгах,
По валунам, расшитым мхами!
 Вода, как меч зимы, блистает,
 Заливы уж черным-черны.
 Уже летят на юг страны
 Три лебединые большие стаи.
От серых сопок ли саамских,
От финских ли за камнем тундр?
Те лебеди, как звоны струн,
Текут по небесам за Каспий?
 Мы рождены под небом птиц,
 И в небе мил нам белый лебедь.
 Но и картофель — наших лиц
 Неповторимый облик лепит!
Пусть цедит клубни из борозд
Моя картофелекопалка...
Рябин огни поджег мороз,
И нынче в поле очень жарко!
 Я понимаю ль — нужен темп,
 А не какие-то рябины?..
 Да, но милы они мне тем,
 Что вновь опушки обрядили.
Что поле жизни берегут —
И от ветров и от туманов,—
Ведь почв пригодных мало тут,
И не слетает с неба манна...
 Над полем Севера простым,
 Где нет чудес пустынь библейских,
 Песнь лебединая, как дым,
 В сентябрьской тает мгле и в блеске.
Картофель в город увезут.
И мы уедем завтра в город.
И молчалив деревьев суд.
И понят будет. Да не скоро!

Соловушка

Ты всего лишь флейтист.

Но оркестра — какого высокого класса!

Ты артист.

Он — твоих идеальных стремлений,
твоих напряжений гримаса,—

Летучая вся,

подчиненная власти флейтистского зова...

Ты — начало, родник, безначальный, как звук,
и начален, как Слово,
и отчаян, как Слово,—

Вьющий вещее Слово, соловушка,

Буйна головушка, майского солнышка чадо...

Неуемности дерзкой как много

в твоих забубенных, бездонных речах-то!

Величальная песнь ты весне,

не с тебя ль начинаются ноты,

не тобой ли венчаются ноты —

Хлебопашеств народных, и многих посевов,

и всякой разумной работы,
веселой работы?!

Ты замолкни, кукушка, в зеленом бору:

мы продолжим игру на зеленом пиру,

Соты звезд порасширим

и жизни возвысим под звездами квоты.

Благожелательно взгляни!

В капли чернойгодной черемуха червонная.
Оранжево-табачный дуб ее наполнен звонами.
С лазурью осени, с ее густения законами
Не раззнакомиться пора,
А снова повстречаться нам!

Река мерцает. Рвет аркан высокий свет
отчаянно.

По облакам и по лугам — тут путь наш
не кончается.

В горах воскреснув, птичий гам тут с мглой зари
встречается,

И цветозвуков таинство
Подобно вещим снам...

А ты, а ты нас осení, черемуха червонная!
Крапивничка в твоей тени свирель желто-зеленая;
Ее слова не вдруг поймешь:

их мудрено расслышать-то!

Но пьяная туманом рожь от песни той колышется!
Мотив неясен, но растет — сродни рябине зреющей,
Что цвет из тьмы земной берет,
из выси солнца, реющей,

И от медовости дубов, и от лазури озими...

За песней

К роцам сходненским

Мы вновь идем по осени.

Когда бы было все вперед угадано-разгадано,
То не было бы Моцарта и не было бы Гайдна.
И не увидел бы народ в черемух чернойгодной
Стране моей — крапивничка!..

Но мир живой раздвинулся —

За песней к роцам сходненским
мы вновь идем по осени.

А ты, черемуха, нас осени!

И одари, червонная;

Благожелательно взгляни на несраженных войнами.

И ты, орешник, одари беспечными подарками
Нас, пытаных кочевьями, мытаренных мытарствами,
Состаренных нестарыми — под каменными арками,
Нас, друг орешник, одари зелеными подарками!
И нарастает шум и гам... Неясный и обманчивый...
Привет синицам и дроздам! И спорам их шарманочным.
Удачи им!
Удачи им!
Удачи нам и счастья — им!
За песней к рощам сходненским
мы вновь идем по осени.
А ты сто раз нас осени, черемуха червонная!
Крапивничка в твоей тени свирель желто-зеленая:
Ее слова не вдруг поймешь...
Их мудрено расслышать-то...
Но пьяная туманом рожь от песни той колышется.
За песней — к рощам сходненским мы вновь идем
по осени.

Сходня

Струи Гаретовки кружатся,
В ночи меж собой говорят,
С облаками, с деревьями дружатся
И месяцу гимны творят.

Нынче нет на ней мельниц рачительных,
Сплав по плюзам ее не летит...

Оттого-то мне
Тем удивительней

Ее важный таинственный вид!

Что за думы в уме разрешаются?
В речки — очень старинном! — уме?
Когда, к вечеру, в ней отражается
Целый город на долгом холме?

Меж двумя невеличками-реками,
О которых гуляла молва...

И звала она Сходню Гаретовкою,
А Гаретовку — Сходней звала.

...Центр.

Красная школа, как водится.

Сбоку сад: и с козой, и с бельем...

В грозный бой тут из плотников сходненских

В сорок первом ушел батальон.

Работяги. Но стали гвардейцами.

Для спасенья, для чести земли.

Только волны все шепчут: «Да где ж они,—

Что Москву и Россию спасли?..»

Мастера были знатные, редкие,

Знали всякого дерева строй.

На плотях их носила Гаретовка

До слиянья со Сходней-сестрой!

Как бы чудно ночами мечталось им,

Рекам ясным в долинах святых!

Но считают, считают,—
 недосчитаются
Они тружеников честных своих.
Так скликают птенцов своих птицы
В пору осени поздней, когда
За пространства земного границы
Улетели они — кто куда...
 Работягами выстроен теми
 Был поселок.
 А стал — городок!
 (Как маяк исторической темы,
 Вижу сельский вдали огонек.)
А строителей дело все дается,
Продолжается...
И, как памятник им,
Жизнью движет тут,
Дышит и светится
На горе комбинат-исполин.

Превращения сада

Н. МАТВЕЕВОЙ

Он зарос густым бурьяном,
Сад наш, прежде соловьиный...
Заморозок стукнул рано
По нему в год високосный,
В полную дождями осень.
И зима была морозной,
Погубила яблонь корни!

Он зарос густым бурьяном,
Сад наш, прежде плодоносный;
Тихим вышел из буранов,—
Прежде бурям непокорный
И любой заре навстречу
Гомонящий птичьей речью...
Стужа погубила корни!

Если улетают птицы,
То и люди не приходят!
Нет для песен птицам пицци,
Где бурьяны хороводят,
Да лишь ежики гуляют,
Да лисицы ночью лают
На безлюдный месяц горний!

Помнишь? Мы ведь не мешали
Бреху лис к морозным лютням?
И приюта не лишали
Молодцов ежей-малюток?
И тропа открылась чуду! —
Сад наш ожил... Отовсюду,
Погляди, летят к нам птицы!

Святу месту — быть безлюдным?
Друг мой! Это уж едва ли!

Свидетель

Зачем я не птица, не ворон степной?

М. Ю. Лермонтов

Березок стайки на межах под облаками
В полях высоких и сквозных, да не широких.
В полях сквозных — меж перелесками дорога,
В полях пшеничных — к озеру петляет...

Березки как березки;

И дорога как дорога;

То непролазною,

то гладкою,

то пыльной станет...

По ней то пеший продирается,

то мотоцикл, то трактор.

Но почему над ней всегда кружится вольный ворон?

Кружится ворон потому, что небосклоны

Над гребнем меж Воздвиженкою и Средниково

Открыты в ясный день и грандиозны в разненастный,

И древняя парит в Средниково над обрывом церковь.

А меж Средниково и Воздвиженкой,

в лощине —

Там озеро мерцает Черное и серебрится

тростниками,

Как драгоценное сокровище в корзине камышовой

Под лозняка-свирельника самозабвенным взором,

Под темную охраной старца-бора.

Зачем под знаком ворона степного

Ты множишься, дорога?.. По холмам, по косогорам

Вращаешься меж Пятницким шоссе

и Мцыри,

По тьме лесов, по солнечным полям пшеничным?

Как будто выглянуть робеешь
ты в санаторий ведомственный «Мцыри»,
Не очень-то надеясь:
А пустят ли тебя в порушенную память
О том, кто собственной кровью начертал: «На смерть
поэта».

И ты ведешь в поля, где вольный кружит ворон...
Россия широка.
Мир вотчин и феодалов новых — узок.
На бельведере «Мцыри» думать о поэте...
Нам не пристало?
В темницах тайны есть, но и в свободе — тайна!
Поэзия — загадка, но и варварство — загадка...
И есть поля, и есть над ними вольный ворон.
И древняя еще стоит в Средниководе над обрывом
церковь,
Свидетельница юности всегда опального поэта!
И всадник вечный в поле мчится,
и над ним кружится ворон...
Тот ворон — памяти людской неуспокоенная птица,
Свидетель многих злодеяний, а не просто — ворон.

* * *

Оскуденья, сужения русел,—
И в лесной и в степной стороне,—
Родниковых,— не попросту грустными,
Но жестокими кажутся мне!

 Не постичь нам все тайны их дела,
 Но загадочностью меня искушал
 Ручеек за деревнею дедовой...
 Тек он в озеро, весел и шал:

Чаровал мое детство речами
Отчаянными,
Потом — исчезал!.. Уходил —
В край какой? — сереброгрив, беспечален,
Точно дикий конек без удил?..

 Лист летел в его ложе сухое,
 Мох царил в камне русла ручья,
 Сосен плакала жаркая хвоя,
 Непонятные речи шепча.

То чудесное озеро,
Из которого пил я,
Каплю первую — покорено
Камышами бывало да лилиями.
Но ручей воскресал! И — оно
 Снова наполнилось влагой бурливою!
 Лебединые стаи на нем
 Ночевали в пути говорливые.
 Грели зори их нежным огнем.

И все ж, в оскудениях рек я,
И проток! — слышу дикую глушь...
Пусть временную,— но в деревьях
Гибель птичьих (и наших!) душ.

21 апреля 1983 года,
Переделкино

Водоросли

Полны осенней бодрости
Водоросли!
У крутых берегов в древесной тени
Они выросли.
А почему бы им и не вырасти?
Даже у буйной реки бывают мгновения
Тихости,
Мгновения сирости, миги задумчивости:
И ничем-то ее из себя не вывести!
Ах изумрудные неторопливые водоросли!
В лебедином туманов сиянии
Вы, как царственные реки одеяния,
И к лицу реке, и к ее чести —
За ночь выросли!
Как зеленые облака в небес высоте,
Стаи звездных мальков вы колышете,
Рукавами воздушными машете
И галденье Галактики слышите,
Ритмы древнего танца нам кажете...

Полны осенней бодрости
Водоросли!
Река времени с дождевыми трелями
Принесла вам прохладу цветения,
оживления!
Над тягучими камушками радужными
В глубине,
Вы, никого не пугающие, но и солнце
радующие
И приятные мне,
Веселые водоросли!
Не вчера ль еще вас не было, водоросли?
А за ночь вы август вынесли
На поверхность воды и земли!
Царств речных сокровенных горести
Нам невнятно: мы думаем скорости —

Чайка моря

Всплески волн о борта...

Предраассветная хмурость.

И вечность пустынная в часе...

И в этом томительном однообразье

Я чайку увидел,— едва мне взгрустнулось.

Здравствуй — над мачтою белая чайка!

Виденье, беззвучный напев,— ты откуда?

Из волн беспредельных возникшее чудо —

Под черною тучей, но белая чайка!

О чайка, дочь синего моря бескрайнего!

В свободе и песня с тобой не поспорит.

О синего моря соленая горечь —

Птица любимая моря бескрайнего!

Ты сколько сыграла великих трагедий?

Ты сколько тонула? И вновь объявлялась?

И льнула к волне... И крови твоей алость

Чистую — вознесли облака на рассвете...

С накатами волн — в белогнездное Сочи,

В сады суеты и богатства тщеславного...

Но ты лишь, скиталица моря державного,

Вестницей дня объявилась — из ночи.

И в зябкости утра,— глянь: парус оранжевый!

В Одессу ли, встречу нам?

К Новороссийску ли?

Дочь света!

Ты хриплый привет голосишь ему,

Радуюсь в море идущему каждому...

В запасе мотор. В трюме — с фруктами ящички...

Он с морем не связан порукою риска, ведь

Не грек... А морями безудержно рыскает!

Но — ищется в море и в море обрящется.

О чайка!

Дочь синего моря бездонного!

В солнечных — воздуха утренних смолах

Ты над водой изумрудной — как всполох,
Как всполох летучий! — дочь моря

зеленого.

Контрабанды романтика,

Местная лирика

Катят мимо тебя буффонадою космоса

Древнего... Ночью

дрожание космоса

С тревогой следишь ты из гнездышка

сирого...

Корка — платой за хриплую песнь расстояния.

Тебя нищей считают. Но зоркость не отняли.

Тебе крабы видны, камни, чудища отмелей...

Птица ярмарок моря. И песнь расставаний.

Южный город

Вижу город над морем
В каком-то кочующем стиле
Республик игрушечных, дерзких летучих империй...
С коих пор пировали тут,
И торговали,
И мостовые мостили,
И уходили народы,

и оставляли открытыми двери...

Именно двери, а не ворота. Солнце по окнам
С коих времен тут блуждает? — по гулким

каменным стогнам,

Гармонию мне открывая в статуях белых, античных,
Вечность которых собой оттеняют стаи высокие
птичьи.

Под ветром зеленым, оранжевым, просоленным,
Везде-то прошедшим, везде побывавшим — в саваннах
далеких и близких.

Свои анекдоты несущим даже из джунглей индийских.
Грек из Пирея ногами сиртаки рисует;
Старик в лапсердаке — у тощенького фонтана —
Потчует новыми баснями глубоко отдыхающего уркагана,
А уркаган — за спиною своей — чужеродного ока
не чувствует!

Божественной белизною
Над синью морской — колоннада
Рассказывает о том, что и здесь

она побывала, — Эллада!

Но за колоннадсю — эллинских торжищ речистей и много
шумнее —

Я видел базары,
Где и философы и торговцы
Стали хитрее, умнее!

Могло ли — что видано ими,— хитрому греку
даже присниться?

Но катится в небе, как прежде,

солнечная

Аполлонова колесница.

Кружится воздух над городом, ласковый, нежный

и синий,

И с корзинкою девочка предлагает прохожему

золотистые апельсины,

А жена рыбака — кучу всякой там жареной, пареной,

вяленой снеди

(Разумеется, по извилистой линии

правильной

государственной сети!).

Порт наполнен гудками, заводы стучат молотками,

И вечную пляску здесь, кажется, пляшет земля

под ногами,

И, кажется, улицы здесь из эпохи в эпоху кочуют,—

Умы не врачуют,

Но души движеньем врачуют.

Черные деревья

Деревья окутывают душу,
как нежность,
бесконечная нежность.
Над деревьями, над улетающим в гору
птичьим пеньем
(В гору догорающую — пеньем!)
Месяц уже восходит!

Их черные опახала
Окутывают вечностью душу,
И покоем,
насущным покоем!
О вечности говорят они прикосновеньем,—
прикосновеньем
почти незримым,
Вбирающим в себя и звездное движение,
и земные моря,
и сушу.

(Дорога моя идет в гору!)
А с неподвижной черной кудели деревьев
Тихо стекает ночь,
ночь,
ночь.

Я мог бы вернуться,
Мог бы с легкостью птицы
Поплыть навстречу югу
под гору,
под гору,
под гору!..
(Спуск проще подъема!),
Но тогда бы я не услышал,
не почувствовал,
не увидел
И не рассказал бы на земле,—

то есть дома,
Как с черной кудели черных деревьев
Тихо стекает пряжею мысли
(Чуть ли не волшебной!)

ночь,

ночь,

ночь.

Так ступай же, тропа моя, в гору
Между толпами черных деревьев,
Говорящих о вечном своем незримом
прикосновенье,
Вбирающих в себя и звездное движенье,
и круженье морей и суши!
Пусть на бессонные плечи мои
Мягко с ветвей стекает
Пряжею своей волшебной —

ночь,

ночь,

ночь.

Голубка белая

За ночь зимушка пришла, зима нарядная,
Над поселком, на завод бегущим,
Кувыркается голубка белая!

Города лесов, распахнутые, семивратные,
Изморозью серебрятся,
Где шелковые, а где окаменелые.

И под убегающим на запад, молодым, но желтым

Месяцем —

Утренним,

Поспешно тающим и ускользящим —

С гор спускается мороз по скалам,

По уступов лестницам

К черноте стволов, к ветвям мерцающим.

В изморози рощи кувыркается голубка белая.

Где-то прялка солнца кружится. Кудель не убывает.

Снег идет...

Черная меж валунами скачет речка ошалелая,

Голосами флейт невидимых поет на заберегах лед.

Голосом гитар камыш выводит тремоло,

Месяц угасает, вовремя уйти спешит.

Дух, расписанного иероглифами (неплохого!) демона

С гор сошел...

И над поселком кувыркается голубка белая!

Почему я нынче — соглядатай праздный,—

Ничего не делаю?

Но зато спешу за стол!..

Что — всякий пустячок меня смешит?

Вам открою: у жены сегодня день рождения.

И над целою землею кувыркается

Голубка белая!..

Гигиена

Мы в школе по утрам, как полагается,
зарядку делали,
Зарядка обязательною и тогда была.
Мытье: чтобы лицо и руки были белыми!
Та чистота едва нас до греха не довела...

На умывание, однако, не водилось сил избыточных,
И не было ни полотенец и ни мыл.
Запомнился мне паренек один, из самых
незажиточных:
Он к утренней линейке никогда лицо не мыл.

В одежке небогатой и в дырявом кемеле,
Размазывая молча слезы на ходу,
Покорно он шагал, а мы его к реке вели —
Умыться... Но сказал он: «Не пойду!..»

И от позора нас и на всю жизнь поражения
Единственным он этим словом спас!
И ступевался класс, отчаянное выражение
Затравленных
Навек запомнив, человечьих глаз...

Начало

Зениток хлопанье и пулеметов перестук,
С высот нудящий звук, и там цветные вспышки
У черных точек... Так вот вдруг
Война мне открывалась. Не из книжки.

Тем удивительней,
Что лишь как новую игру
Я понял канитель разрывов интересную...
Война — игра! — я, если в ней умру,
То непременно тут же и воскресну!

...Мне оставалось до ума недалеко.
В мои семь лет, веселые и розовые!
Но дело плоше, если столь же беззаботно и легко
И днесь на все события под солнцем

смотрят дяди взрослые.

Что, хлеба?.. Нет, у нас и хлеб, и масло есть.

Есть в виллах барахло «престижное» —

не без излишка.

Он всех воинственнее грозный обыватель днесь:

Дай агрессивного чего-нибудь,

хотя бы грохот диско!,

...В момент, когда вбежал я на крыльцо
И мать меня живым была увидеть рада,
Дымящееся рядом шлепнулось кольцо,
Должно быть, от зенитного снаряда.
Но это было вовсе не войны лицо,
Лицо войны открыла позже нам — блокада.

И было многое, чего вовек не описать:

Геройство, малодушие, мерзость, гордость...

Не описать!

А как-то надо человека

человечеству

спасать,

Спасать к противостоянью злу

его готовность

и пригодность...

Китайская смесь

Нам привозила мать из города
Кулек китайской смеси раз в году.
(Теперь конфет такого сорта
Нет что-то вовсе на виду!)

И к самовару щедро выставляла
Той смеси патоки цветной
По нынешним понятиям — больно мало:
Кусок с ладонь величиной.

И нити той липучей смеси
Путь крох прочерчивали в рот.
Тогда еще «престижной» смеси
Не знал младенческий народ.

И много ль сердцу надо, кроме радости?
Тем паче, радужной, цветной?..
Давно прошел блокады я
И всяческие разности,

Но праздник тот всегда со мной!
Житье без роскоши еще не бедность,
В завидках — вся мудрость детских лет!
Но злей для сердца гнета нет,
Чем слов бесцветность и вещей

бесцветность.

Жезл

Вот бреду я в туманах,
В предутренних росах,
На скалу, словно море, плыву...
А в руках моих

странника вечного посох,

Этот посох я жезлом зову.

Ничего-то в нем нет от пророкова жезла,
Ведь по виду он посох — на диво простой,—
Молча, дома стоящий у старого кресла
Или ритмы дающий тропинке крутой...

Нет на нем инкрустаций, резьбы, бликов лака,
Отразить он не в силах небесный овал,
Но из серого камня глухого,
Однако,

Звук неложный я жезлом не раз добывал.

Паче гордости скромн певец многогрешный;
Этот посох корить я считаю грехом
Наивысшим!

Его подарил мне орешник:

«Пой, касаясь дорог, в упоенье лихом!»

За орущий товар лавок самых нарядных
Мировых и за весь Амстердам —
Непоющий,

но гордый богатством, парадный,—

Я волшебный мой жезл

Не отдам.

Вечный мотив

Освободились дороги
От гнета и ярких и многих
И вороватых машин;
Натруженные и легкие,
Петляют они вдоль отлогих
Острогов великих равнин...

 О многошумные красные рощи!
 Шумы — и мощны и грустны —
 Нам помнить и в дни хорошие
 И в темные — помнить даны.
Под небом Некрасова, Тютчева,
Где смеялся сквозь слезы Лесков,
Уж не слышать нам наилучшего
Шума — во веки веков.

 В нем негаданная гармония,
 Космос рощи и поля страна,
 И печальная, неутомная
 Душа,
 Что буйна, но стройна...
Пыль клубится дорогами дальними,
Часть пространства собой захватив...
И чего уж не перевидали мы,
Но любезен нам этот мотив!

Восемнадцатый век

...И отшумел, и отсверкал он — восемнадцатый:
 блистательный, великий
Над каменными львами гневного Петра...
Век окрика, и славы, и галантной книги,
Карьер головокружительных и вспышек топора.
 Венеция, и Амстердам, и Вавилонии грифон не вечный,
 И сфинкс Египта, шею выгнувший дугой...
 Времен немало спрессовал фольянт библиотечный,
 Но дикий просвещенья век! — как никакой другой,
 Ты жив: надменный, авантюрный и беспечный!
Твой сын любой Отечеству примерным был слугой!
Он в три погибели гнул смерда крепостного...
Иллюминацию любил, и кружева, и всякий маскарад...
Награды царские, добытые в раденье многом...
Но и погибнуть за отечество всегда был рад.
И строил Петербург он, и ваял, и строил.
И над Невою капризной возносил мостов дугу,
Дворцы, подобные венецианским, статуи богов, героев...
 Почто ж нескорбно лицезреть их не могу?
О Петербург! Изящный, правильный, галантный!
Твоих сооружений гнет несущи уже три века я...
Ведь кто они: кариатиды города и гордые атланты?
Средь них мой прадед и прабабка бедная моя.
И что им славные дела царей и страсти их дурные?
И отчего те камни восемнадцатого века душу в плен берут?
Страдания кариатид понятны, и прозрачны сны их,
И вздох летит из мраморов... Дрожат прожилки руд
Карелии, Урала и Сибири
От невских берегов и до амурских вод!..
Цивилизации насильственной невероятный плод
Собой народы удивил в подлунном мире...

Но кто тот век окаменелый, как себя, поймет?

Сад снежных зверей

Стали глубже сумерки бора.

От снега очистились трубы.

Расправили плечи

Заборы,—

Сбросили зимние шубы.

Солнце утреннее

Караваем

Глядит исполинским и добрым...

Стал вовсе неузнаваем

Сад снежных зверей,

цветов и

Неснятых сентябрьских яблок,—

Пищи алчного зимнего взгляда.

И скворечни-то шапки набок

Заломили, как надо!

Что за притча?! — и радости веришь:

Дни-то ласковее и теплее...

Да вот бедные снежные звери

На яблонях

Стали

Мельче и злее...

Точно раненые, прыгают они в сугробы,

Чтоб в ничто через час обратиться,

Погрузиться в сугробов утробы

Под крик ворона, звон синицы...—

На рамках, на стеклах оконных

Злато солнечное тяжелеет...

Сад снежных зверей,

знакомый,

Кто теперь о тебе пожалеет?

Из-под листвы прошлогодней

Фиалка и медуница

Проклонутся вечером сегодня,

Чтобы завтра

Открыть свои лица.

Кудесник

У сельской околицы
Вдали от дубравы,—
Кудесник корявый,—
Дуб стоит старый.

Тело его — окаменело,
Кора почернела;
От серых ворот
Вперед он ветви простер,
Обнимая белый простор.

Стоит он, ветвистому, черному
Антрациту подобный,
Холодный,
Но из дула,
Через глазницы, где нижние зиждились ветви,
Старец ветхий,—
Он овеает
Землю — дыханьем тепла.

Недвижен,
Как заколдованный,— ствол его крепкий
Спит...
Спят в нем и в ветвях его
Зачарованные ткани и клетки.
В пустыне зимы

белой

Странен обликом он,—
в крике окаменелый,
Труженик черный!
Но влагу майскую корни
Едва почуют,—
и песни грянет!

Древо усохшее оживет, воспрянет
Во дня Иванова блеске и дыме!
праздничном.

Чтобы в осени радужном нимбе

Возвращение стад

С пастбищ дальних забуду ль движение стад,
Когда с криками лебеди к югу летят,
И стремится в дупло и в нору серый гад,
И в лощинах густеет туман?..

По березничкам-ельникам, по соснякам,—
Движение мерное... По лознякам
Монотонные крики, и шорох, и гам,—
Как бредущий в цепях ураган.

И все реже леса, и все ближе дома
На движенье — кругами с горы и с холма —
Глядят... На дорогах природа сама
Свой кончает осенний роман.

Доярки — в помощниках у пастуха.
Нет отменней в безлюдном краю жениха,
Но за лето с ним было довольно греха:
Он — беспаспортник. И хулиган!

И под осень немилостив к парню ветврач;
Пастуха он уволит, а ферма хоть плачь!..
Вот и фермы вдали у приветливых дач,
И над ними — гусей караван!

Я стада с летних пастбищ встречал в полпути,
Но не всякий бездельник со мною шути:
Много легче пастись, и как трудно пасти,
Быть слугой вероломным рогам!

Смен сезонов запомнилось мне торжество...
Так наш выкован дух. Да и все естество,—
Что без гор мы немислимы и без равнин...
Мы как солнце приветствуем рденье рябин
И далеких дыханье Хибин.

...Иней первый — знак верный: пришел листопад
Ум художнику дать... С криком к югу летят
Журавли. И курлыканьем небо мостят
К возвращенью предзимнему стад...

* * *

Глянь! — в гущу зелени уж вкрался красный лист.
И потускнели облака, и отсырели:
Их цвет разбогател, оттенками волнист,
Но слышится в них зов трубы, а не свирели.
Свой свет натруженное солнце льет щедрей
На крупную росой остуженную землю.
И подосиновик несет грибник в ведре,
А белые грибы — еще под елью дремлют.

Зарей — пронзительней звучит лягуший квак.
Оркестр грачей несуетлив, но громок.
Несет корзины под базарный флаг
Пенсионер — и сыплет овощ из котомок.
И вспоминает дни, когда он молод был,
Когда картошка в десять раз крупнее
была...
Грачиный грай был выше и звучнее,
И жизнь — мила! Земля? — Земля весьма кругла!

Как прежде, впрочем, зелен огурец
И красен бок веселый помидора!
«И все ж... Опять скажу: не тот пошел скворец —
Поет не в лад, болтает — без разбора...
Но облака — ох облака все те ж:
Небес высоты красят и линуют,
Румяны да белы — и (как там? — цвета беж?)
Все так же душу тешат и волнуют!»...

...Да! Облака — все те ж. Их вековечен пир;
В них безоглядности какой-то куролесье...
Все той же их реки питает млечный мир,
Бегущей вечно в поднебесье!

И я — в честь осени — свой стих раскрепощу;
Я тоже порезвлюсь (как старики и дети!),
Пригоршню выдумок в веселую пращу
Вложу —
И запущу гулять на свете!..

СОДЕРЖАНИЕ

I

Земле	4
Котомка	6
«На плотях я летел...»	8
Конь в рассвете	10
Звукопластика	12
«Тишина в лугах ковыльиных...»	14
Письмо в детство	16
Старикашка-мороз	18
Сорок третий	20
Объездчик	22
Час тети Марии	23
Сестра	26
Военная баллада	28
Родина детства	31

II

Старатель	32
Рудокопы	35
Мечта	37
Мургаб	38
Судьба	40
«И дышит, и движет...»	41
Легенды моря (п о з м а)	44

III

Парус и смычок	48
Движение	52
Хазар	54
Венеция	56
«Где эллинской речи...»	58
Эллинский мотив	60
Песни Лорки	62
«В тумане светлом и теплом...»	64
Лен	66
«Я содрогнулся...»	68

«Ослицы дикой...»	70
Партер	72
Камешное дерево	73
Небо птиц	75
Память	78
«...И гнали вас...»	80
I. Лаокоон	83
II. К Афине	84
Река	85
Ночной лов	87
Мещанская баллада	89
Ах же ты, вьюнок...	92
«О бесконечно щедрое...»	94
Плющ	96
В новогоднюю ночь	98
Пресека	100

IV

Ветка	102
Гнезда	105
Память о рябине	106
Крестьянское	109
Молчание песен	111
Обрыв	114
Голиково	116
Ты великолепен!	118
Лебеди над полем	119
Соловушка	120
Благожелательно взгляни!	121
Сходня	123
Превращения сада	125
Свидетель	126
«Оскуденья, сужения русел...»	129
Водоросли	130
Чайка моря	132
Южный город	134
Черные деревья	136
Голубка белая	138
Видение детства	139
Гигиена	140
Начало	141
Китайская смесь	142
Брейгелевы башни	143
Жезл	146

Вечный мотив	147
Восемнадцатый век	148
Сад снежных зверей	149
Кудесник	150
Старые магианцы (б а л л а д а)	152
Миф	154
Возвращение стад	155
«Глянь! — в гущу зелени уж вкрался крас- ный лист...»	156

Киуру И. С.
К 45 Голос твой: Стихи.— М.: Мол. гвардия, 1990.—
159 [1] с.
ISBN 5-235-00839-1

Само название книги «Голос твой» говорит о том, что эта книга стихотворений о любви и о судьбе конкретной, о чувстве большом в традициях романтической классики. В то же время это стихи очень современные, реалистические, сюжетные, интригующие, как драматические баллады народной песенной поэзии. И это не случайно, так как Иван Киуру давно работает в песенном жанре, и его поэзия является продолжением одной из первых волн бардовской линии, у истоков которой стояли такие авторы, как Н. Матвеева, Ю. Ким, В. Высоцкий, М. Анчаров и другие. Книга включает в себя философские и молодежные по теме гражданские стихи и собственно лирические песни автора. Но все объединяет мотив поэтического признания в любви в этой наиболее полной из книг поэта. Остро и самобытно, как всегда, по-новому открывается в этих стихах душа нашего времени.

4702010202—022
К 078(02)—90 183—90

ББК 84P7

ИБ № 6741

Иван Семенович Киуру

ГОЛОС ТВОЙ

Заведующий редакцией **Г. Зайцев**
Редактор **Ген. Красников**

Художник **Л. Зубарева**
Художественный редактор **Т. Погодина**
Технический редактор **В. Пилкова**
Корректоры **Л. Четыркина, Н. Овсяникова**

Сдано в набор 21.07.89. Подписано в печать 31.10.89. Формат 70×108 ¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Усл. печ. л. 7. Усл. кр.-отт. 7,26. Уч.-изд. л. 5,7. Тираж 10 000 экз. Цена 60 коп. Заказ 9—392. Изд. № 1911.

Ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфическое объединение ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». 103030, Москва, Суцешская 21.

Полиграфкомбинат ЦК ЛКСМ Украины «Молодь», ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»: 252119, Киев-119.

ISBN 5-235-00839-1

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ